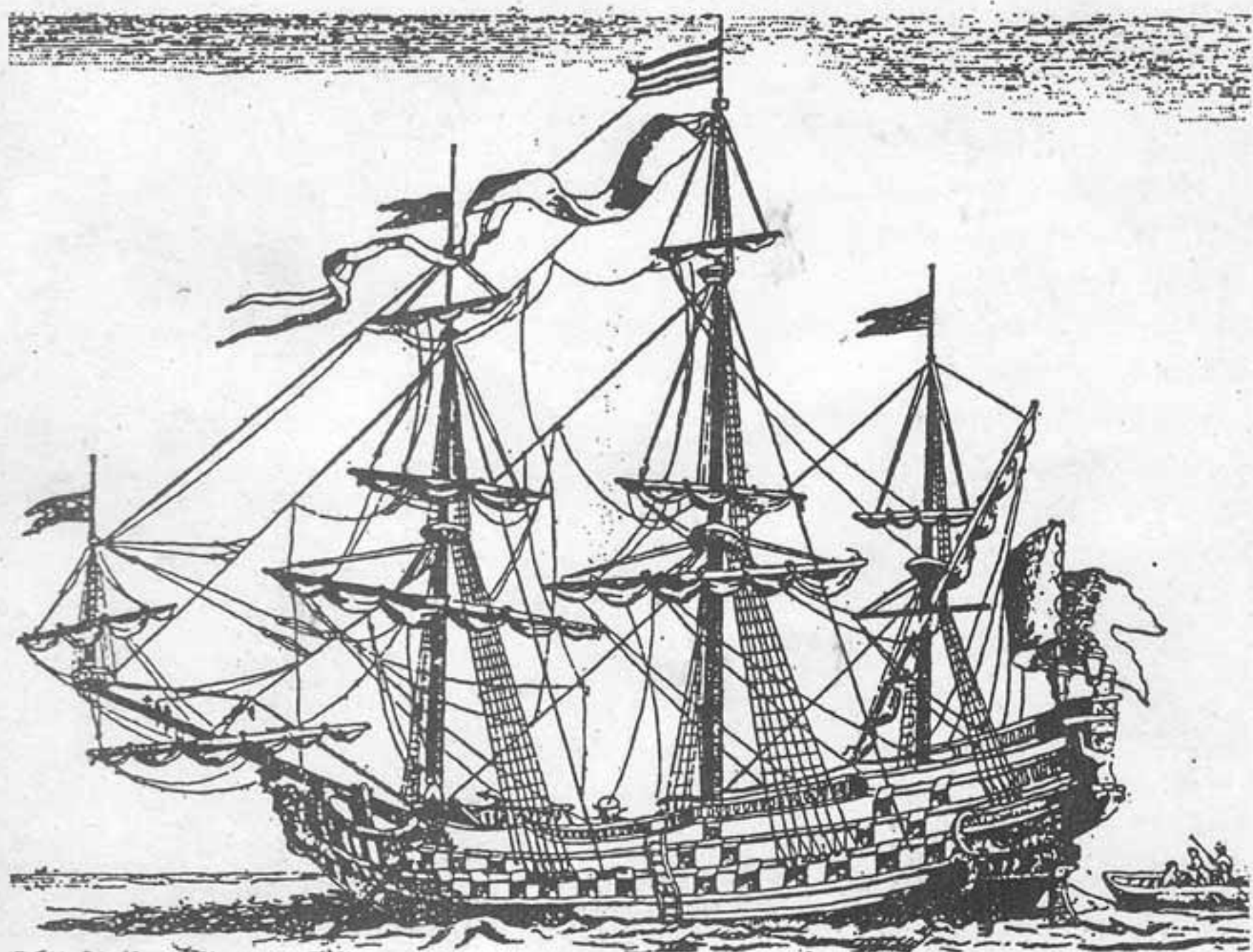

М.А.Муравьев

**РУССКИЙ ФЛОТ
В ВОЙНЕ СО ШВЕЦИЕЙ
1741-1743 ГОДОВ**

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЦЕНТР ИСТОРИИ ФЛОТА
МОСКОВСКИЙ КЛУБ ИСТОРИИ ФЛОТА
Книгоиздательская программа
«300 лет Отечественному Флоту»

М.А.Муравьев

РУССКИЙ ФЛОТ В ВОЙНЕ С ШВЕЦИЕЙ 1741-1743 ГОДОВ

ЛЬВОВ 2000

В 2000 году Московский Клуб истории флота продолжает реализацию своей книгоиздательской программы "300 лет Отечественному флоту". Учитывая интерес ряда наших читателей к истории русского парусного флота, мы сегодня предлагаем вашему вниманию монографию М.А. Муравьёва "Русский флот в войне со Швецией 1741 - 1743 годов".

Модное ныне понятие "забытая война" как нельзя лучше подходит к этому военному конфликту на Севере Европы в середине XVIII века. В полной мере это относится и к действиям на море 1741 - 1743 годов, о чём нет практически ни одного специального современного исследования. В появившихся же в последние годы многочисленных работах общего характера по русской морской истории события этой войны на Балтике упоминаются в лучшем случае мельком, а нередко о противостоянии двух европейских морских держав в 1741 - 1743 годах авторы этих "фундаментальных" трудов вообще не говорят ни слова (как, например, в объёмистом юбилейном двухтомнике "История Флота Государства Российского", созданном ведущими сотрудниками Института военной истории). Этот пробел в историографии Российского Флота и призвана восполнить предлагаемая вашему вниманию книга.

Вице-председатель Правления МКИФ
К.Б. Стрельбицкий

НАЧАЛО ВОЙНЫ. КАМПАНИЯ 1741 ГОДА

Ништадтский мир 1721 года вызвал у многих шведов острую жажду реванша. Пока большое влияние имела группа миролюбиво настроенных политиков (прозванных за это партией "колпаков"), противоречия двух стран удавалось сглаживать. Но когда к власти пришла агрессивно настроенная партия "шляп", возглавляемая графом Юлленборгом (Гилленборгом), то попытка Швеции добиться реванша военным путем стала вполне реальной перспективой. Швеция рассматривала вопрос вмешательства в русско-турецкую войну 1735 - 1739 годов на стороне Турции. 6-тысячный корпус шведов был выдвинут в Финляндию. Шли и другие военные приготовления, в том числе флота. Прибытие в августе 1739 года в один из финских портов шведского транспорта даже вызвало тревогу в Кронштадте. Пришедшие в Кронштадт купеческие суда и русский лоц-галиот усмотрели на шведском корабле якобы адмиральский флаг, о чем и сообщили командующему крепостью адмиралу Т.Гордону. Тот немедленно дал сигнал, чтобы люди были по своим постам. Заключение Белградского мира с Турцией сняло для России угрозу войны на 2 фронта, однако вскоре вероятность военного конфликта со Швецией заметно повысили смерть Анны Иоанновны, вызвавшая борьбу за власть в русских правящих кругах, а также интриги прусского и французского дворов. Для России не представляли тайны события, происходящие в Швеции, так как русский посланник М.П.Бестужев-Рюмин благодаря связям в среде "колпаков" был осведомлен о всех нюансах политической жизни Стокгольма и обо всех военных приготовлениях шведов. В этих условиях Россия решила заблаговременно придвинуть крупные сухопутные силы к границам с Финляндией.

Напряженная обстановка на северо-западных границах империи позволяла ожидать повышения активности и боеготовности Балтийского флота. Недружественные намерения Швеции продемонстрировал русскому морскому командованию инцидент 11 июля 1740 года, когда идущий с обычным рейсом из Любека пакетбот *Новый Курьер* заметил шведскую шняву, стоявшую на середине фарватера. Пакетботом командовал лейтенант Федот Непенин (Непеин). В ответ на запрос со шнявы он обозначил себя и поднял флаги с почтовым знаком. Шведы тем не менее потребовали спустить брамсели, а когда Непенин через пассажира, знавшего шведский язык, отказался - они пригрозили открыть огонь. После вторичного приказа на шняве действительно выдвинули орудия в пушечные порты и вынули из стволов заглушки. Непенин приказал сделать то же самое. Не меняя скорости и курса пакетбот продолжал идти к Кронштадту. Шведская шнява двигалась параллельным с ним курсом и спустя четверть часа отвернула на север. Прибыв вечером того же дня в Кронштадт, Непенин сразу же доложил о случившемся; однако лишь спустя 4 дня были приняты меры - к о. Гогланд послали фрегат *Воин* для наблюдения. В мае следую-

щего года для получения сведений от проходящих судов были отправлены патрулировать в районе от Гогланда до финских шхер и Березовых островов шнявы *Фаворитка* и *Вестеншлюп*, причем уже на следующий день после выхода в море первая из них налетела на подводный камень и получила серьезные повреждения.

В отличие от армии, прошедшей хорошую школу в недавней русско-турецкой войне 1735 - 1739 годов, Балтийский флот уже долгое время влачил весьма жалкое существование и, пребывая в "полусонном" состоянии, реагировал на угрозу крайне вяло. Отсутствием сколько-нибудь заметного интереса к флоту со стороны власти охотно пользовались в Адмиралтейств-коллегии. Так, например, кампания на Балтике 1739 года началась только... 1 августа. Кампания 1740 года - 29 июня. При этом в первую из них флот дошел только до Красной Горки (если это только вообще можно считать выходом в море), а в следующую - аж до самого Ревеля! Кстати сказать, эскадры в Ревеле уже давно не было - там держали только брандвахту. Весь флот базировался исключительно на Кронштадт. Да, собственно, две базы были бы лишней роскошью, учитывая количественный состав флота. В 1737, 1739 и 1740 годах в море выводилось только по 5 линейных кораблей, а в 1738 - вообще 4. Число фрегатов, принявших участие в кампаниях, снизилось с 6 в 1737 году до 3 в 1739 и 1740 годах.

Явное бессилие столь малочисленного флота было совершенно очевидным, поэтому принимались меры по усилению морской мощи России на Балтике. При Анне Иоанновне было развернуто достаточно масштабное строительство новых линейных кораблей. С 1733 по 1741 год в Петербурге и Архангельске их заложили в количестве 21 единицы. Но с их вводом в строй особо не спешили, в связи с чем 6 из них так и не успели принять участия в войне (одной из причин стало спешное создание Донской и Днепровской флотилий, необходимых в уже шедшей войне на юге).

В мае 1740 года в Кронштадте годными числились 15 линейных кораблей (с учетом весьма старых). Фрегатов Россия имела 8, однако реально могли быть использованы только 3, так как 2 новопостроенные еще не пришли из Архангельска, а 3 были посланы туда перед самой войной (в Адмиралтейств-коллегии считали, что сильная эскадра в Белом море может пригодиться для "диверсии неприятельским силам"; поэтому и построенные линейные корабли оттуда с 1739 года не выводили).

Остройшей проблемой к началу войны стала катастрофическая нехватка личного состава - некомплект составлял 36% (1669 матросов и 1034 солдата). Из 5000 ожидаемых рекрутов прибыло только 1370. Большая нужда была в опытных штурманах и лекарях. Нанимать штурманов и боцманов срочным порядком в самый канун войны пришлось русскому послу в Голландии Головкину; удалось ему это лишь частично.

В кампанию 1741 года, на первый взгляд, флот вышел с резко возросшими способностями к активным действиям - 14 линейных кораблей (70-

пушечный *Св.Александр*, 66-пушечные *Северный Орел*, *Ревель*, *Слава России*, *Основание Благополучия*, *Ингерманланд* и 54-пушечные *Астрахань*, *Азов*, *Город Архангельск*, *Северная Звезда*, *Нептунус*, *Св. Андрей*, *Кронштадт*, *Новая Надежда*). При них три 32-пушечных фрегата (*Россия*, *Гектор*, *Воин*), а также 2 брандера, 2 прама, 2 бомбардирских корабля. В отдельных плаваниях были 2 шнявы, 5 яхт, 4 пакетбота и несколько малых судов. Внушительная с виду эскадра вышла из гавани Кронштадта в середине июня на рейд, где и стала на якорь. К о. Гогланд поочередно лишь высылались в дозор фрегаты. На линейных кораблях занимались обучением личного состава, пакетботы обеспечивали почтовое сообщение с Любеком, яхты курсировали по Неве, лоц-галиоты занимались постановкой вех и бакенов в Финском заливе.

27 июля 1741 года Швеция объявила войну России, к которой, как оказалось, сама же и не была готова. Сил шведов едва хватало на оборону, и русская армия, имея 28.000 против 15.000 шведов, первой перешла в наступление. Общее командование было вручено отличившемуся в русско-турецкой войне фельдмаршалу Петру Петровичу Ласси, под руководством которого 26 августа 10-тысячный отряд генерал-аншефа Кейта штурмом взял город Вильманstrand, разгромив там шведский корпус генерала Врангеля. Это было первое и единственное крупное сражение за всю войну.

Далеко не блестящими оказались действия шведов и на море. В мае из Карлскроны под командованием вице-адмирала Томаса Райалина вышли 5 линейных кораблей - *Ulrika Eleonora* (76), *Prins Carl Frederik* (72), *Stockholm* (68), *Finland* (60? 70?), *Freden* (42) и четыре фрегата. Чуть позже к ним присоединились еще 5 кораблей - *Frihet* (66), *Bremen* (60), *Hessen-Cassel* (64), *Werden* (54) и *Drottningholm* (42). С этими силами Райалин вошел в Финский залив и занял позицию между Гогландом и финским берегом. Галерный флот шведов под командованием Акселя Фалькенгрена расположился в двух милях к югу от Фридрихсгама, чтобы обеспечить лучшее взаимодействие флота и сухопутных сил.

Придя в восточную часть Балтийского моря, шведский флот не предпринял никаких активных действий. В основном он стоял в районе о. Аспэ. Периодически посылались отдельные корабли на разведку к Рогервику, Гогланду и Соммерсу. Сначала причиной бездействия были соответствующие инструкции из Стокгольма; затем - вспыхнувшая среди экипажей эпидемия, от которой к середине августа умерло свыше 700 человек. На корабли постепенно пришлось перевести из армейских полков 1000 человек (эпидемия перекинулась и на армию, где к весне в некоторых полках здоровых оставалось не более трети состава). В сентябре скончался сам Райалин. Его сменил шаутбенахт Аарон Шёшерна. Вскоре к его эскадре присоединились еще два линейных корабля - *Götha* (72) и *Skåne* (62). Но и это не заставило Шёшерну решиться на какие-то действия. В октябре его эскадра вернулась в Карлскрону. В этой безрезультатной кампании шведы потеряли разбившимся у финских берегов 34-пушечный фрегат *Svarta Örn*.

С июня в Северном море находились корабль *Öland* (60? 54?) и фрегат *Fama*, так как шведы опасались перехода русских кораблей из Архангельска в Балтийское море вокруг Скандинавии. Кстати, вызывает удивление то, что шведы сами даже не пытались вести активные действия на Севере. Если бы они начали серьезные каперские операции на торговых путях вокруг Скандинавии, это могло бы нанести серьезный ущерб российским интересам. Напротив, в этот год к Архангельску прибыло для перевозки русского зерна 96 кораблей (в основном голландских), что было даже больше обычного. Еще более странным представляется безразличие шведов к русской торговле на Балтике. Король Швеции Фредрик I (1720-1751) в начале войны недвусмысленно приказал своим военно-морским силам не допускать торговые суда в русские порты, а также поощрял частных лиц брать каперские патенты. Тем не менее иноземные купцы не только приводили свои суда в Финский залив, но и частенько сообщали, сколько, каких и где именно по пути видели шведских кораблей.

Противники в этой кампании оказались достойными друг друга. У русского командования тоже не возникало мыслей о начале активных действий. В то время первым лицом в русском флоте оказался вице-канцлер Андрей Иванович Остерман. Талантливый дипломат и государственный деятель, влиятельный кабинет-министр, прожженный интриган-царедворец, власть над флотом он получил всего лишь как одну (и далеко не самую важную) из своих многочисленных обязанностей. Курировавший флот еще при Анне Иоанновне, Остерман был произведен правительницей Анной Леопольдовной в высшее звание генерал-адмирала. Весь его морской опыт ограничивался тем, что в начале века будущий генерал-адмирал послужил некоторое время личным секретарем адмирала К.Крюйса. Флотом он пытался управлять, опираясь на свой богатый опыт администратора, то есть как своеобразным громоздким учреждением. Некоторые улучшения организационного характера в русском флоте он провел, но на повышении боевой мощи они особо не сказались. Ко времени войны со Швецией Остерман все свое внимание сосредоточил на борьбе за влияние при дворе; к тому же у него сильно обострилась старая подагра. Реально флотскими делами руководил президент Адмиралтейств-коллегии граф Николай Федорович Головин. Сын известного сподвижника Петра Великого, первого в России графа и генерал-адмирала, он 9 лет проучился морскому делу в Англии и Голландии и был проэкзаменован лично царем. Знатное происхождение и морской опыт помогли Головину сделать быструю карьеру. В 1730 году он шаутбенахт, в 1732 - вице-адмирал; еще год спустя - адмирал и президент Адмиралтейств-коллегии. На этом посту он пробыл следующие 11 лет, ничем себя особо не проявив. "Самовольными поступками" Головин в 1738 году вызвал неудовольствие императрицы Анны, а по обвинению его в растратах казенных денег даже назначалась особая комиссия. Впрочем, это не помешало ему получить в 1740 году орден Андрея Первозванного.

Непосредственно командовал Балтийским флотом вице-адмирал Христофор Обриен. Будучи капитаном 1 ранга в британском флоте, он в 1737 году предложил свои услуги России в качестве контр-адмирала и был нанят русским посланником в Лондоне князем Кантемиром. С 1738 года он командовал флотом в Кронштадте. В 1740 году в честь мира с Турцией (к которому он не имел никакого отношения) императрица пожаловала ему чин вице-адмирала. Русского языка Обриен не выучил, и в 1741 году в связи с завершением его 4-годичного контракта готовился к отъезду в Англию. Очевидно, поэтому он сам не стал выходить в море, предоставив командовать эскадрой контр-адмиралу Якову Саввичу Баршу, который держал свой флаг на *Северном Орле*.

Начав службу при Петре простым навигатором, обрусевший голландец Барш дослужился до начальника Днепровской флотилии в 1739 году, получив чуть позже контр-адмиральское звание. Ни один из этих адмиралов не стремился начать наступательные действия, и эскадра так и простояла на кронштадтском рейде. А уже спустя полторы недели с начала войны там осталось только 5 кораблей для обороны базы; остальные 9 были введены в гавань. Также на рейде оставались в готовности прамы *Олифант* и *Дикий Бык*, а также бомбардирские корабли *Юпитер* и *Самсон*, которые простояли там до 10 ноября. Бездействие флота вполне устраивало и правительство страны - не случайно, что в указе кабинета Адмиралтейств-коллегии в связи с началом войны в основном говорилось о мерах предосторожности против шведских атак и диверсий, а о необходимости самим наносить ущерб врагу упоминалось лишь вскользь. Инструкции Остермана Обриену сводятся к "учинению неприятелям надлежащего отпора", необходимости прикрыть фарватер рогатками и т.п. Исполняя эти указания, помимо постановки рогаток, 9 судов затопили у цитадели. Начались серьезные работы по усилению укреплений Кронштадта и Выборга, на которые были выделены сто тысяч рублей. Работы в Кронштадте вели восемь полков гарнизона численностью в десять тысяч человек. Часть матросов с кораблей также перевели на эти работы или послали на укомплектование экипажей галер. Галеры с пехотой дежурили у северных берегов Котлина и у Ораниенбаума, так как в 1740 году северным фарватером смогло пройти одно иностранное судно. Это серьезно поколебало уверенность в непроходимости этих вод для крупных кораблей. Галеры должны были отражать атаки брандеров и высадки десанта, но серьезной обороны с северного направления к этому времени обеспечено не было. На всех кораблях было приказано увеличить число брандспойтов и "заливных труб". Остерман приказал выслать из гавани Кронштадта все купеческие корабли, "дабы от пожарного случая за теснотою их в гавани не могло быть опасности". Лишь 25 сентября Обриен вдруг расхрабрился и предложил атаковать арьергард противника, когда основные его силы будут уходить из Финского залива. Остерман это предложение оставил без внимания.

Единственной формой хоть какой-то активности была организация дозорной службы фрегатов и малых кораблей. В этих разведывательных плаваниях отличился лейтенант Семен Вышеславцев. Командуя фрегатом *Воин*, он неоднократно в течение августа и сентября собирал ценную информацию о шведском флоте. 21 сентября, когда он подсчитывал силы противника у о. Соммерс, за фрегатом погнались шведские дозорные корабли.

В район Красной Горки высылался фрегат *Гектор*, а к Выборгской стороне залива - фрегат *Россия*. У Ревеля вел разведку лоц-галиот *Лоцман*. В бой ни один из этих кораблей ни разу не вступил. Создается впечатление, что за всю кампанию 1741 года русский флот дал единственный боевой залп по шведам. Это случилось 15 августа, когда посланный в крейсерство мичман Иван Дириков со своей "дубель-шлюпки против шведских галер и венецианских ботов выпалил из 7 пушек, и оные поворотили в острова".

Бездействовал и русский галерный флот. Одной из основных причин этого было отсутствие обученных людей. Пришлось срочно заняться обучением команд, для чего выделили 3 галеры, которые плавали возле Кронштадта. О состоянии галерного флота красноречиво говорит дело капитана Ивана Кукарина. Ему поручили принять командование тремя учебными галерами и еще 8 использовать для перевозки солдат из столицы в Кронштадт. Кукарин из порученного ничего не сделал, будучи непрерывно пьяным. Вызванный для объяснений в Адмиралтейств-коллегию, он и туда "явился в чрезвычайном пьянстве". Взятый под арест, капитан даже не понял этого и, проснувшись ночью, принял караульного солдата за своего слугу. Тот пытался объяснить ситуацию, но получил оплеуху. Зимой Кукарина отправили в отставку.

27 октября Баршу приказали отправить в Выборг на зимовку 20 галер под прикрытием 2 кораблей, фрегатов и прамов. Планировалось укомплектовать галеры людьми даже сверх штата, а также отправить на них боцманов из числа ветеранов Северной войны, которые хорошо знали те воды и могли служить лоцманами. Однако выходу в море препятствовали встречный ветер и лед, нанесенный в гавань и на фарватер. К середине ноября переход галер к Выборгу был окончательно отменен.

КАМПАНИЯ 1742 ГОДА

25 ноября 1741 года в результате дворцового переворота на трон вступила императрица Елизавета Петровна. В тот же день Остерман был арестован, а в Адмиралтейств-коллегию пришло распоряжение не выполнять никаких приказов бывшего генерал-адмирала. Полное руководство флотом перешло к Головину. А так как Обриен вернулся в Англию, командовать корабельным флотом поручили 58-летнему Захарию Даниловичу Мишукову, которого в феврале 1742 года произвели в чин вице-адмирала. В 1699 году недорослем Мишуков был взят ко двору Петра Первого. Петр до конца жизни благоволил Мишукову, а тот показал себя толковым армейским и морским офицером, не раз выполнял особые поручения царя. Побывал в шведском плену. Карьере Мишукова очень помогло то, что он сумел породниться с А.Д. Меншиковым. Без последствий осталась даже гибель нового линейного корабля *Нейштадт*, который под командованием Мишукова разбился в первом же плавании. Напротив, ему вскоре поручили командовать одной из эскадр в Каспийском походе. При Анне Иоанновне Мишуков стал контр-адмиралом, членом Адмиралтейств-коллегии, строил Днепровскую флотилию.

Вступая во второй год войны, русское морское командование имело все основание планировать активные наступательные операции. По сведениям, которые присылал русский посланник при датском дворе барон Корф, шведский флот находился в крайне плохом состоянии. Уже весной Корф сообщал об огромной нехватке личного состава. Многие матросов на корабли часто брали просто силой. Попытки восполнить некомплект за счет армейских солдат и офицеров вызывали у тех сильное озлобление. На шведскую службу, правда, изъявили желание поступить некоторые офицеры датского флота, но шведский король счел их инициативу слишком подозрительной. Для вербовки матросов было послано несколько шведских офицеров и унтер-офицеров в Германию, но добились они там немногого.

Не хватало на шведских кораблях продовольствия - стали сказываться финансовые трудности, так как Швеция начала войну, имея на нее лишь чуть более миллиона рейхсталеров. Треть шведских кораблей никуда не годилась. Свирепствовали болезни, причем заболел даже назначенный командовать шведским флотом адмирал фон Гердтен, едва успев вывести свои корабли на рейд. Вместо него назначили командующим опять Шёшерну. Вышедший в море *Stockholm* "при весьма светлой и тихой погоде так сильно разбило, что мачты каповать принуждены были". Для ремонта пришлось возвращать его в Карлскрону. В итоге с огромным трудом шведский флот в составе 15 кораблей, 5 фрегатов, 3 бригов, 1 брандера, 2 бомбардирских кораблей и 2 лазаретных судов в конце мая вышел из Карлскроны и 5 июня прибыл к о. Аспэ. Шёшерна выделил в дозорную

группу корабли *Enigheten* (70), *Finland* (60? 70?), *Westmanland* (62) и фрегаты *Christina* и *Ekolmsund* под командой командора Стольтса. Этот отряд захватил русское судно, груженое строевым дубовым лесом.

Русский флот начал выходить на рейд с 19 мая. Первыми вышли линейные корабли *Астрахань*, *Ревель*, *Северная Звезда*, *Кронштадт*, все 3 фрегата и 2 прама, которые до 30 мая постепенно ушли в крейсерство. Команду над ними принял контр-адмирал Денис Спиридонович Калмыков. Его фамилия и незнатное происхождение породили известную легенду о талантливом холопе, которого Петр произвел на экзамене в офицеры вместо ленивого барина. За годы службы пришлось ему побывать офицером, а затем командиром различных кораблей, и флаг-капитаном самого Петра Великого, и на различных административных должностях. Кстати, Калмыков слыл лучшим каллиграфом среди всех петровских капитанов. К 1742 году он, несмотря на свою "простую породу", прошел все ступени от ученика-навигатора до контр-адмирала. Калмыков поднял флаг на *Ревеле*.

Выход в море столь незначительных сил был обусловлен острой нехваткой людей. Эпидемия свирепствовала не только у шведов. По данным Головина, на 31 мая больных на флоте насчитывалось 3315 человек, причем ежедневно к ним прибавлялось еще 60-80. Взамен больных брали людей из сверхштатных Дербентского, Сальянского и Дагестанского полков. Многие солдаты из них участвовали еще в Каспийском походе и имели морской опыт (5 февраля 1743 года эти три полка и еще Бакинский будут полностью обращены на укомплектование флота и официально ликвидированы). 8-9 июня к Калмыкову смогли уйти *Основание Благополучия*, *Св. Андрей*, *Архангельск* и три бомбардирских корабля. 20 июня в Кронштадт из Невы перешел новый 66-пушечный корабль *Св. Петр*. Наконец, 23 июня в море вышел Мишуков на *Св. Александре*. С ним были *Ингерманланд* (на нем шел младшим флагманом Барш, которого утвердили в этой должности по просьбе Мишукова) и *Северный Орел*. Днем позже они соединились с кораблями Калмыкова. В течение следующих 5 дней пришли *Слава России*, *Азов* и *Нептунус* (*Новая Надежда* из-за своей ветхости использовалась как госпитальное судно). Таким образом русские основные силы насчитывали 13 линейных кораблей и 3 фрегата.

25 июня на военном совете старших офицеров флота было решено сблизиться с противником, стоящим у о. Аспэ. Дальнейшие действия Мишукова в какой-то мере можно объяснить секретным указом от 2 апреля, согласно которому разрешалось атаковать врага только при условии, что шведских кораблей будет на треть меньше. Однако Мишуков и сблизиться-то со шведами не стал. До середины июля русский флот маневрировал в середине Финского залива. Дозорные корабли регулярно докладывали о контактах с противником, тем не менее русский флот с 1 по 11 июля двигался на запад в общей сложности 16 часов, по сути просто крутясь вокруг о. Лавенсари (ныне - Мощный). За это время дважды снова

собирались консилиумы, принимавшие решения об активных действиях. 12 июля Барш, которому Мишуков прислал "цидулку" с требованием совета, начинать ли сближение со шведами, ответил: "С Божьей помощью, давно пора!" Шведы были практически рядом, так как русский флот обнаружил их уже в этот же день. Силы противника, начавшего сразу отходить на запад, были оценены в 19 кораблей и фрегатов. Мишуков отправил вдогонку за ними капитана Макара Баракова (корабль *Основание Благополучия*) с 2 кораблями и 3 фрегатами. Пройдя к утру о. Гогланд, отряд Баракова лег в дрейф и стал дожидаться подхода основных сил, но те всё не появлялись. Оставив с собой 2 корабля, Бараков остальные отослал на восток. Мишуков позднее объяснял, что ему помешал обойти Гогланд встречный ветер (Головин с ехидством отмечал, что Баракову ветер почему-то не мешал).

Имея все возможности для начала сражения, ни одна из сторон отнюдь не стремилась ими воспользоваться (Бараков ночью видел оба флота). В 7 часов утра Баракову приказали вернуться, причем до 11 часов противника можно все еще было видеть со стеньг. Флот стал на якорь у Экгольма, где вновь собрался совет. На следующий день опять произошел мелкий конфуз - погнались за шведским шхерботом, но тот улизнул в шхеры. На совете решили ограничиться наблюдением за противником, выделив для этого 3 корабля. Не вызывает поэтому удивления, что в июле Мишуков не баловал отчетами Головина, а тот (которому сверху напоминали о старании "дабы сия кампания не прошла без действия и поиска над неприятелем") потерял в конце концов терпение и послал майора Соковнина для начала следствия о действиях вице-адмирала (впрочем, симпатизировавшая Мишукову Елизавета сразу же прекратила следствие). В одном из писем к Ласси Головин жалуется, что о передвижениях своего же флота узнает иногда от капитанов иностранных судов, хотя к Мишукову отправлялись даже нарочные. Последний же спокойно простоял у Гогланда до 3 августа, высылая лишь дозорные группы. Перед Головиным он оправдывался нехваткой людей из-за "умножения больных".

Один из дозорных отрядов под командованием капитана Яна Фастинга (*Нептунус*) 17 июля захватил в районе гельсингфорских шхер два небольших шведских судна. На них нашли письма, содержание которых ясно говорило о бедственном состоянии шведского флота. К этому времени на шведских кораблях вновь распространилась эпидемия. На *Enigheten* уже к 30 июня было 150 больных и 5 умерших. На *Hessen-Cassel* в течение этой кампании умерло 212 человек! Капитан линейного корабля *Freden* с ужасом сообщал, что из-за нехватки людей "ему невозможно во время сильного ветра поворотить оверштаг с гротом".

Причину распространения болезни Шёшерна увидел в "чрезвычайно вредном для здоровья климате" и нехватке свежей воды. "Медицинские изыскания" шведского адмирала привели к серьезным последствиям. Снявшись с якоря, его флот ушел от финских берегов в море и после несколь-

ких дней крейсерства занял 16 июля позиции у Гангута. Тем самым шведские сухопутные силы остались без прикрытия с моря.

Российский флот, не ведя боевых действий, тем не менее тоже имел потери. 29 июля фрегат *Гектор* разбился при лавировании в 2 милях севернее Гогланда; все спаслись, удалось также снять такелаж и рангоут. Командовавший фрегатом князь Урусов был позднее оправдан, так как мель, на которую наскочил *Гектор*, не была отмечена на картах. Эта потеря была компенсирована прибытием из Кронштадта к флоту 4 днями ранее нового линейного корабля *Св. Петр*.

Вторая потеря - флейт *Соммерс* - была не столь серьезна, зато продемонстрировала фантастическую беспечность ответственных лиц Балтийского флота: 18 июля из Кронштадта к флоту был отправлен флейт *Соммерс* с грузом пива (8731 ведро). Идя совершенно безопасным маршрутом, флейт непостижимым образом попался шведам (может быть, повлиял характер груза?). В течение месяца никто не заметил отсутствия судна, хотя генерал Левашов 29 июля сообщил Мишукову, что в найденных шведских письмах упоминается какой-то захваченный русский корабль. Спыхватились только тогда, когда кронштадтская контора стала возмущаться отсутствием расписок в получении пива. 21 августа в Кронштадт с удивлением ответили, что флейт вообще не приходил.

7 августа русский флот перешел к о. Нарген (о. Найссар; расположен на подходе к Ревелю). К этому времени контакт с противником давно был потерян, и только 9 августа выяснилось, что шведы стоят у Гангута. В полночь с 9 на 10 августа снялись с якоря; уже к шести часам утра противник был замечен. Русский флот наконец-то сблизился со шведским. Противники имели по 14 линейных кораблей (Шёшерна отослал корабль *Sophia Charlotta* к о. Готланд, а, когда тот возвратился 14 августа, он в тот же день отправил *Werden* с больными в Карлскрону). Шведы, ожидая атаки русского флота, стали формировать линию баталии, однако последний повернул к востоку и лег в дрейф. 11 августа Мишуков собрал очередной консилиум, который постановил ограничиться пребыванием на фарватере у финского берега, а пока "стараться чрез крейсеров еще осмотреть неприятеля обстоятельно". На следующий день разразилась сильная гроза, и русский флот ушел в Рогервик (ныне Палдиски), откуда днем позже переместился к Наргену. Там они оставались до 26 сентября (только 4 линейных корабля уходили на неделю в Ревель для починки мелких повреждений).

У Наргена Мишуков получил приказ вести флот к Гельсингфорсу "для утеснения и поиска над неприятелем", что фактически означало его подчинение фельдмаршалу Ласси.

Ласси к этому времени провел блестящую кампанию в Финляндии, овладев всей ее юго-западной частью. Впрочем, и сами шведы в 1742 году демонстрировали поразительную беспомощность. Этому было несколько причин. Так, стратегические решения принимал совет высших офицеров, среди которых командующий - граф Левенгаупт - имел всего лишь

один голос. Авторитета среди подчиненных он уже не имел никакого. Многие офицеры попросту уехали в Стокгольм для участия в выборах наследника престола (партия "шляп", чтобы отвести от себя обвинения в развязывании неудачной войны, возбудила вопрос о престолонаследии, так как король Фредрик Первый был в преклонном возрасте и не имел прямых потомков). Плохая еда, ужасные условия и болезни донельзя ослабили дисциплину. Командование не имело четкого плана действий даже на ближайшую перспективу. В результате шведы отступали, бросая самые лучшие позиции. Без боя, например, был брошен и подожжен Фридрихсгам, где шведы имели очень крупные армейские склады.

Большую помощь русской армии оказал гребной флот под командованием генерал-аншефа Василия Яковлевича Левашова (по эскадрам командовали капитаны Петр Кашкин, Иван Кайсаров и Иван Абрютин). Галеры были готовы к походу уже к середине мая. События этой войны подтвердили правильность решения еще 1733 года строить галеры исключительно "французским маниром", которые могли действовать как в шхерах, так и в открытом море. Выйдя из Невы с 30 галерами, Левашов соединился с 14 галерами в Кронштадте, заодно доставив на Котлин солдат дербентского и дагестанского полков. 25 мая галерный флот и 15 провиантских судов вышли оттуда к Выборгу. Их прикрывали вышедшие на следующий день 12-пушечные пакетботы *Меркуриус*, *Новый Почтальон* и шнява *Вестеншлюп*. 44 (по другим данным - 43) галеры смогли доставить в Финляндию 10 тысяч солдат из общего числа в 35 тысяч. Так как русская армия двигалась вдоль побережья залива, то галеры одновременно обеспечивали прикрытие с моря и доставку продовольствия. В середине июня, когда Ласси узнал, что рядом с сильным укреплением шведов стоят их галеры, он приказал генерал-лейтенанту де Брилли двинуться с частью галер и отогнать неприятельские корабли. Впрочем, шведы сами бросили укрепление, в силу рельефа практически неприступное.

"Полуморское" сражение состоялось 27 июня, когда шведы подвели 3 галеры к левому флангу русских, упиравшемуся в море. Завязалась перестрелка с русскими батареями на суше, которые отогнали шведские галеры, повредив одну из них. На следующий день несколько галер было отслано к Выборгу за тяжелой артиллерией на случай осады Фридрихсгама.

Успешные действия в Финляндии и присутствие русского флота в Финском заливе обеспечили надежность и безопасность коммуникаций с Выборгом по морю. Как отмечал Головин, к армии без опасения ходили не только ластовые (грузовые) суда, но и многочисленные маркитантские лодки со всевозможными товарами (попадавшие в плен шведы удивлялись обеспеченности русских войск). Серьезной проблемой было только отсутствие лоцманов, знающих финские шхеры, что затрудняло прикрытие галерного флота артиллерийскими кораблями - для этого были выделены два 36-пушечных прама (*Олифант* и *Дикий Бык*) и 3 бомбардирских корабля (*Юпитер*, *Самсон* и *Дондер*). В середине июля Ласси послал галеры

Левашова и эти 5 кораблей "для случайного ж над неприятельскими галерами поиска" в сторону Борго (по данным на август, в числе галер Левашова были 22-баночные *Дон, Стерлядь, Страус, Щука, Ока, Ильмень, Белуга, Осетр, Снегирь, Вальфиш, Волхов, Дракон, Карась, Волга, Днепр, Корова*; 20-баночные *Анчоус, Ряполов, Голубь, Жаворонок, Орел, Добрая, Дельфин, Пигалица, Зяблица, Лавалонтиер, Писарим, Щеголь*; 16-баночные *Фолер, Онега, Нева, Ладога, Бодрая, Непобедимая, Планета, Тосна, Комета, Ижора, Смелая, Буцефал, Констанция, Елена, Саига, Единорог*; из них последние пять - конные) и 30 венецианских ботов.

Прамы и бомбардирские корабли пришлось тащить на буксире 10 галерам. К самому Ласси вскоре пришли из Кронштадта галеры генерал-майора Киндермана, доставившие около трехсот выздоровевших солдат, и 33 ластовых судна с провиантом.

27 июля гребной флот Левашова "с неприятельскими галерами и прамами так близко сошелся, что между ними не более как только 4 версты расстояния было. И хотя неприятель стоял между островов зело в крепком месте, имея при галерах не токмо прамы и бомбардирские корабли, но и 2 фрегата, но однако увидя прибытие наших галер, по утру рано со всеми своими судами побежал далее". Путь был открыт, и уже 29 июля Левашов подошел к Борго. На следующий день туда без боя вступили войска Ласси. Очевидно, русское командование уже настолько уверенно себя чувствовало, что сочло возможным отпустить к линейному флоту свои артиллерийские корабли "за неимением при тех галерах нужды". 3 августа прамы и бомбардирские корабли соединились с эскадрой Мишукова. Один из бомбардирских кораблей - очевидно, *Дондер* - был сразу отправлен к Кронштадту из-за низкой мореходности. У шведских же моряков росло чувство неуверенности. Так, например, когда Левенгаупт распорядился приготовиться в случае необходимости высадить с галер десант в 500 - 600 человек, командир гребной эскадры ему ответил отказом, ибо "ожидая ежечасно нападения со стороны русского флота, сам имеет нужду во всех своих людях".

Левенгаупт отвел свои войска в Гельсингфорс. Город имел значительные возможности для долгой обороны. Шведы сняли даже часть артиллерии с кораблей. Помимо прочего, в южной гавани города были поставлены два огромных прама, которых обили медью и железом, а по бортам укрепили для большей защиты и плавучести особые "ящички". "Корма и нос прамов были так высоки, что походили на башенки; на них было много небольших орудий." Дополнительно к ним на каждый борт установили по 10 тяжелых чугунных пушек. В середине каждого корабля находилась мощная мортира. При всей малоподвижности эти прамы могли серьезно помешать атаке русского флота (после капитуляции шведы сами сожгли эти прама).

Используя дорогу, проложенную еще по приказу Петра Великого во время Северной войны, Ласси блестящим маневром обошел и запер-

17-тысячную шведскую армию в Гельсингфорсе. Снабжение осажденных могло осуществляться только морем, поэтому русский галерный флот вышел из шхер и двинулся к Гельсингфорсу. Во время якорной стоянки на открытом плесе была штормом разбита галера *Буцефал* (конные галеры ночью приставали к берегу, чтобы выпускать пастись лошадей).

Головин к 20 августа получил сведения, что в заливе у Гельсингфорса много шведских судов, в том числе 5 военных кораблей. Он решил устроить ловушку шведским кораблям и одновременно заблокировать город с моря. Поэтому 5 сентября Мишуков получил приказ вести корабельный флот к Гельсингфорсу (хотя к моменту получения приказа город уже сдался). Вместо этого почтенный адмирал снова собрал консилиум, где было решено сначала известить императрицу о всех трудностях такого похода - наступлении долгих ночей, осенних штормах, узости опасного фарватера и т.п. Головин не преминул отметить, что флоту можно было и не входить в опасные воды - хватило бы его присутствия вблизи осажденного города. В итоге, никуда не двинувшись от все того же Наргена (7 сентября шли 2 часа на север, а затем из-за тумана и штиля стали на якорь), Мишуков 11 сентября дождался-таки распоряжения Ласси не идти к нему "за учиненною капитуляциею".

Удивительным образом русской армии помог не собственный, а вражеский флот. Хотя Левенгаупт считался командующим не только на суше, но и на море, шведские адмиралы его уже просто игнорировали. И Шёшерна, и Фалькенгрэн неоднократно вопреки приказу перемещали свои эскадры куда хотели, не заботясь, что это оставляет армию без прикрытия или без продовольствия. И в этот раз корабли ушли от Гельсингфорса, открыв его с моря и лишив транспорта.

24 - 26 августа шли переговоры о капитуляции. 17-тысячная армия Левенгаупта сдалась русским, когда у тех было всего на 500 человек больше. Капитулировавшие шведы получили разрешение сесть на свои галеры и транспорты и вернуться в Швецию. Для этого Ласси выдавал им специальные паспорта. Отсутствие шведского флота стало причиной еще одной трагедии - не хватало судов; их нанимали у частных владельцев. Небольшие суда были страшно переполнены. Часть из них погибла в шторм. Встречные ветры затянули путь в Швецию до трех недель, за которые огромное число людей умерло от болезней и жутких условий.

Солдаты финских полков, в которых насчитывалось около 7 тысяч человек, отказались переправляться в Швецию и были распущены по домам.

Кампания на суше со взятием Гельсингфорса закончилась. Так как шведских сил в Финляндии больше не было, 21 галеру оставили зимовать там же (12 в Гельсингфорсе, 5 во Фридрихсгаме и 4 в Борго). Остальной гребной флот во главе с капитаном Кашкиным с 15 по 24 сентября вернулся в Неву.

Корабельный флот тем временем (13 сентября) получил новое задание - обеспечить безопасное прибытие эскадры из Белого моря.

В Архангельске были построены 5 новых линейных кораблей - 66-пу-

шечные *Леферм*, *Счастье* и *Благополучие* (2 последних до воцарения Елизаветы назывались соответственно *Генералиссимус Российский* и *Правительница Российская*), 54-пушечные *Св. Пантелеймон* и *Св. Исаакий*, - а также 32-пушечные фрегаты *Меркуриус* и *Аполлон*. Там же находились прибывшие в 1741 году из Балтики в составе отряда капитана Путилова 32-пушечные фрегаты *Кронделивде* и *Кавалер* и 46-пушечный *Вахмейстер*. Перевести эти корабли на Балтику поручили вице-адмиралу Петру Бредалю, норвежцу по происхождению, который в 1703 году перешел с голландской службы на русскую в звании подпоручика и, участвуя в Северной войне, быстро продвигался в чинах.

Экспедиция не заладилась с самого начала. *Счастье* и *Благополучие* и до этого прослыли не слишком счастливыми кораблями - лес на них пошел, заготовленный на 54-пушечные корабли и фрегаты, что сказалось на качестве. Спуск на воду обоих кораблей был неудачным, и их пришлось килевать в Лапоминке под Архангельском. И теперь - 6 июня, когда переходили бар в устье Двины, *Благополучие* стал на мель. Ввиду открывшейся течи этот корабль решили возвратитъ на верфь (через два года его "из-за неблагонадежности к плаванию" превратили в портовое судно и вскоре разобрали). 3 других корабля и фрегат *Аполлон* вышли из Двины еще в 1741 году, оставшись на зимовку в Екатерининской гавани (возле нынешнего г. Полярный). Только 19 июля после прихода с моря гукора *Кроншлот* эскадра в составе 4 линейных кораблей (*Пантелеймон*, *Счастье*, *Исаакий* и *Леферм*), 5 фрегатов (*Аполлон*, *Меркуриус*, *Кавалер*, *Вахмейстер*, *Кронделивде*) и гукора снялась с якоря. 23 июля в тумане потерялся *Счастье* (17 сентября после долгих мытарств он придет в Екатерининскую гавань). 7 августа Бредадь приказал на всякий случай быть готовыми к бою. Через два дня его отряд достиг мыса Нордкап. 10 - 11 августа разразился сильный шторм, который причинил повреждения многим кораблям. 12 августа Бредадь собрал на *Леферме* совет, где было решено возвращаться. Впоследствии это решение вызвало сильный гнев Елизаветы, считавшей, что Бредадь вернулся, "никакого страха от неприятеля не видя... ниже о том слыша".

В сентябре в Адмиралтейств-коллегии о возвращении архангельской эскадры еще ничего не знали, поэтому Головин беспокоился о безопасности ее прохода через Северное море и Балтику. Шведы же надеялись перехватить относительно слабый русский отряд и выделили для этой цели 4 корабля и 2 фрегата под командованием шаутбенахта Кронхавена. Очевидно, для своевременного оповещения о подходе сил Бредаля в Северном море все лето также находился корабль *Drottningholm* (42), фрегаты *Götheborg Vapen* и *Gröna Jagaren* и бриг. Единственным трофеем за все их плавание оказалось голландское судно с грузом соли, шедшее в Ригу.

Выделив отряд Кронхавена, Шёшерна увел свои основные силы в Карлскрону. Мишуков даже не заметил ухода противника. 14 сентября об отсутствии шведского флота ему доложили ходившие на разведку к Гангу-

ту корабли. Он продолжал стоять со всем флотом на месте, изобретательно находя для бездействия всевозможные причины - например, ветер зюйд-вест, хотя и позволяет идти флоту, зато помешает при необходимости отступить (!). Собранный на Св. Александре совет постановил отложить поход навстречу Бредалю "за поздним временем и малоимением провианта". Таким образом, с 13 августа до 26 сентября флот простоял у Наргена. 26 сентября перешел в Ревель. Оттуда к галерному флоту в Финляндию ушли фрегат *Воин* и оба прама. Головин с середины месяца уже сам решил возвращать флот, и 10 октября основные силы вернулись в Кронштадт.

Часть кораблей осталась зимовать в самом Ревеле. Еще в августе Адмиралтейств-коллегия предложила возродить ревельскую эскадру. 13 сентября Елизавета подписала соответствующий указ, и в Ревеле были оставлены все семь 54-пушечных кораблей, фрегат *Россия* (в эту кампанию Вышеславцев командовал им) и бомбардирский корабль *Самсон*. Возглавил эту эскадру Яков Барш. Соответственно в Кронштадте находилось теперь 8 линейных кораблей - один 70-пушечный и семь 66-пушечных.

По окончании кампании русский флот неожиданно получил приятный сюрприз. 24 октября на ревельском рейде появился шведский корабль, который немедленно был захвачен. Трофеем оказался 24-пушечный фрегат *Ульриксдал* под командой поручика Густава-Адольфа Бликса. Странное появление *Ульриксдаля* у русской базы объясняется, очевидно, почти поголовной болезнью экипажа и пришедшей в полную негодность провизией. Пленных офицеров посадили "в квартиры под честный арест", матросов распределили по работам или госпиталям, а взятый корабль сразу даже не удалось осмотреть. Как сообщал Головину Барш, "за великою духотою от болящих и от моклого провианта невозможно приступиться, и сперва надлежит фрегат вымыть и вычистить".

В это же время шведы понесли еще одну (и самую серьезную) потерю - у Борнхольма разбился линейный корабль *Öland* из состава сил Кронхавена. Виновным в его гибели признали лейтенанта Фремлинга, который ночью во время шторма совершил ошибочный маневр. За свое упущение он был приговорен к смертной казни, однако король заменил её трехнедельным арестом на хлебе и воде и увольнением со службы. Остальные корабли Кронхавена пробыли в море до декабря.

1743 ГОД . ДЕЙСТВИЯ КОРАБЕЛЬНОГО ФЛОТА

Разочарованная безынициативностью Мишукова Елизавета уже 26 октября 1742 года перевела его командовать кронштадтским портом. Головина это только могло порадовать. Но вряд ли он очень уж хотел, критикуя Захара Даниловича, сам оказаться на его месте и стать потенциальным объектом для такой же критики. В любом случае, 21 апреля 1743 года вышел высочайший указ Н.Ф.Головину "иметь главную команду над Нашим корабельным флотом" и немедленно отправляться в Кронштадт.

Еще в январе в финском городе Або (ныне Турку) представители России и Швеции начали мирные переговоры. Шведы отказывались идти на какие-либо территориальные уступки, поэтому русское правительство решило возобновить боевые действия. Основная идея предстоящей кампании заключалась в соединении корабельного и гребного флотов в районе Гангута для проведения в дальнейшем десантов на территории самой Швеции, как это успешно делалось в последние годы Северной войны. Корабельный флот обеспечивал бы прикрытие галер; в этот год ему разрешалось вступать в бой с противником не только при превосходстве сил, но и при их равенстве. К тому же из полученных к концу апреля данных было ясно, что противник будет "многим безсильнее нашего вооружения".

Швеция все же приложила все усилия для улучшения состояния своего флота. Еще в январе во всех приморских городах был поднят флаг, заменяющий морякам объявление, что правительство набирает матросов на военную службу, обещая льготы в сравнении с теми, кого завербуют силой. В марте к Данцигу посылались 2 фрегата и 2 бригада для нападения на 2 русских фрегата, которые там якобы стояли (в действительности там был пакетбот *Меркуриус*). 30 апреля из Карлскроны вышел флот адмирала Томаса Утфалля в составе 16 кораблей, 5 фрегатов, 3 бригов, 1 брандера и 2 бомбардирских кораблей. 5 кораблей под началом коммодора Штаудена Утфалль выделил для крейсерства в районе между Даго и Гангутом.

28 апреля ревальская эскадра под командой контр-адмирала Барша, который поднял свой флаг на *Астрахани*, вышла в море, но сразу же стала на якорь у Наргена из-за многочисленных льдин в заливе. 29 апреля к ней присоединились пришедшие из Гельсингфорса *Воин* и прамы *Олифант* и *Дикий Бык*. На следующий день эскадра пришла к Гангуту, где встретила галеры генерал-лейтенанта Хрущева. Хрущеву были переданы прамы и лоц-галиот *Лоцман*.

1 мая Барш направился исполнять приказ об атаке замеченных ранее шведских кораблей (имелись сведения, что в их составе 1 корабль и 3 фрегата). 2 мая во 2-м часу ночи возле Дагерорта (западная оконечность о. Даго, ныне Ристна на о. Хийумаа) были обнаружены 8 кораблей противника. Расстояние до них оценили в 4 мили. Барш положил свои корабли в

дрейф и собрал совет, где было решено сблизиться с неприятелем и точнее оценить состав его сил. Если у шведов только 4 или 5 линейных кораблей, а остальные фрегаты, то можно их атаковать (в русском отряде было семь 54-пушечных кораблей и фрегат). Если линейных кораблей больше - тогда "иметь ретираду до Наргена".

В 8-м часу утра русская эскадра, прибавляя паруса, начала сближаться с противником. Впереди шли *Архангельск* и *Азов*. К 2 часам дня стало ясно, что у шведов 5 линейных кораблей (в том числе два 60-пушечных), 2 фрегата и шнява (это были силы коммодора *Штаудена*). Ветер постепенно усиливался, и на отстававшем *Кронштадте* переломило грот-стенъгу. Так как остальные корабли ушли далеко вперед, с *Кронштадта*, корпус которого уже скрылся за горизонтом, о повреждении сообщили двумя пушечными выстрелами. Барш, все еще имея превосходство 6 к 5, не стал прерывать погони. Однако вскоре начал отставать и *Св. Андрей*. С других кораблей видели, как на нем велись какие-то работы на фор-марсе (это закрепляли треснувшую фор-стенъгу). Вдобавок на флагманском корабле *Астрахань* в носу открылась сильная течь (по другим сведениям, там тоже треснула стенъга). Барш, оставшийся с 5 кораблями, из которых один был неисправен, и считая, что у шведов есть два более сильных корабля, приказал прекратить погоню.

3 мая эскадра вернулась к Наргену. Днем позже *Лоцман* доставил сюда "финских мужиков", которых вместо матросов распределили по кораблям (людей и в этот год крайне не хватало, и поэтому еще в начале весны решили набирать матросов в Финляндии). 9 мая ревальская эскадра отправилась в крейсерство в район у о. *Оденсхольм* (о. *Осмуссаар*). Накануне шкипер голландского судна сообщил Баршу, что видел шведские корабли у *Готланда*.

К этому времени *Кронштадтская* эскадра тоже вышла в море. К сожалению, было решено и в эту кампанию не использовать самый мощный корабль русского флота - 110-пушечную *Императрицу Анну* - "за неспособностью по глубокости его в здешнем море ходу". Команда с него была распределена по другим кораблям. Позднее *Головин* пожалел об этом решении и в июне потребовал, чтобы вместе с новейшим *Св. Павлом* также была укомплектована и немедленно отправлена к его флоту *Императрица Анна*. Но дело уже было сделано - сильнейший русский корабль стоял в гавани полностью разоруженным и без экипажа.

1 мая корабли вышли на рейд, и 4 мая *Головин* поднял флаг на *Св. Петре*. В этот же день из *Петербурга* пришли 9 галер, с которыми прибыл фельдмаршал *Ласси*. *Головин* обменялся с ним визитами. 7 мая *Кронштадт* посетила императрица.

8 мая галеры ушли к Финляндии, а на следующий день в море отправился и линейный флот, собираясь соединиться с ревальской эскадрой. Несмотря на встречный ветер и льды у *Готланда*, 12 мая он подошел к Наргену. Шнява *Фаворитка* и лоц-галиот, у которых в пути открылись

течи, отправились в Ревель чиниться. 14 мая показались корабли Барша.

Соединившись, флот простоял у Наргена до 21 мая. Принимали продовольствие, чинили шпиль на *Св. Александре*, пробовали на Наргене некую "вновь изобретенную машину". Шнява *Вестеншлюп* успела сходить к Ласси с рапортами Головина. Лишь 19 мая консилиум принял решение идти к Гангуту. Подобная неторопливость русского флота позволила шведам занять стратегически важную позицию у Гангута, отрезав гребной флот Ласси от ушедших ранее к Аландам галер Кейта. Это могло сорвать все планы по высадке десанта в Швеции и ставило передовые силы русского галерного флота в опасное положение.

23 мая русский флот увидел шведские корабли, заякоренные на фарватере у Гангута. Силы противника, по данным капитанов Полянского и Римского-Корсакова, были оценены в 17 единиц. С подробным донесением об этом послали две шлюпки к фельдмаршалу Ласси. В ожидании ответа от него русский флот маневрировал ввиду шведских кораблей.

25 мая Головин на своем флагманском корабле *Св. Петр* собрал консилиум. При поименном голосовании, начиная с младших офицеров, мнения разделились. 13 человек (сам Головин, 2 капитана и 10 лейтенантов) были за атаку противника и предлагали нанести удар брандерами и бомбардирскими кораблями под прикрытием основных сил. 14 человек (Барш, Калмыков и 12 капитанов) хотели сначала дождаться подхода гребного флота Ласси, а пока просто не упускать шведов из вида. Головин немедленно написал протест на решение большинства, но объявил, что "по силе регламента вижу себя принужденна ныне с большею частью голосов и не малым сожалением быть согласну". Однако вместо выражения "сожаления" он вполне мог просто приказать начать атаку, и создается впечатление, что протест был им написан из опасения, как бы бездействие ему потом "не причтено было в нерадении". 27 мая снова собрался консилиум, который просто подтвердил решение от 25 мая.

С подробным отчетом к Ласси были отправлены 2 шлюпки (по другим данным, лоц-галиот *Тонеин*) под командой капитана Говия. 29 мая Ласси в ответ сообщил, что уже прибыл со своей частью галер к Тверминне (урочище на северо-востоке Гангута) и ждет прихода к нему кораблей Головина.

30 мая разыгрался сильный шторм; мелководье и подводные камни у Гангута создавали в этих условиях опасность для флота, который поэтому перешел в Рогервик. Шторм сменился штилем и туманом. Пережидая их, принимали запасы с ластовых судов, пришедших из Ревеля. 1 июня вновь пошли к Гангуту, но смогли пройти лишь часть пути, так как лоцманы из-за тумана отказались приближаться к финским берегам.

На следующий день русский флот возобновил патрулирование на фарватере у Гангута. Ласси настаивал, чтобы Головин прибыл к нему в Тверминне со своей эскадрой, но тот, ссылаясь на решения консилиума и отсутствие подходящей якорной стоянки, отказался и пригласил фельдмар-

шала к себе. 3 июня все же были сделаны попытки подойти ближе к берегу. Кончились они тем, что фрегат *Россия* налетел на подводный камень (Св. Петр находился при этом всего в 50 саженях от него). К счастью, обошлось без повреждений, и через час *Россию* сняли. В этот же день поручик Шулепов доставил Ласси ответ Головина. Ласси, которому было необходимо обогнуть своими галерами Гангут и выйти на оперативный простор, собрал совет. На этом совете решили настоятельно требовать, чтобы Головин так или иначе обеспечил проход галерам. При необходимости ему предлагали помочь в бою действиями гребного флота. Головин и все его старшие офицеры единодушно отклонили идею совместных действий с галерами "в таком тесном месте", предпочтя сблизиться с противником в линии баталии и, связав его этим, дать гребным судам обогнуть Гангут открытым морем.

Переждав штиль, утром 6 июня русский флот сблизился со шведским. Оказавшись в миле от гангутского маяка, русские корабли стали на шпринг. Противник виднелся на расстоянии одной тоже мили к NNW. Головин выстроил свои корабли в линию баталии, вытянувшуюся в направлении ONO - WSW следующим образом: перед линией по флангам фрегаты *Воин* и *Россия*, перед линией в центре бомбардирские корабли *Юпитер* и *Самсон*; позади линии брандеры *Митау* и *Бриллиант*, 2 галиота, пакетбот и яхта. В самой линии (начиная с ONO) находились: госпитальное судно *Новая Надежда*, линейные корабли *Архангельск* (54), *Кронштадт* (54), *Астрахань* (54; контр-адмирал Барш), *Северный Орел* (66), *Ревель* (66), *Слава России* (66), *Св. Петр* (66; адмирал Головин), *Ингерманланд* (66), *Азов* (54), *Основание Благополучия* (66), *Нептунус* (54), *Св. Александр* (70; контр-адмирал Калмыков), *Св. Андрей* (54), *Северная Звезда* (54).

Ласси прислал одобрение решениям флотского консилиума. Головин снова собрал на своем корабле совет. В бой, судя по протоколам, никто особо не рвался. Принятый план заключался в том, чтобы следуя в линии баталии за перемещениями шведов, дать возможность галерам обойти эскадру Шёшерны с моря или прибрежным фарватером. То есть вся "тактика" основывалась на предположении, что противник рано или поздно допустит ошибку.

Пока шло совещание, около 9 часов вечера в море показался военный корабль, в котором опознали шведский фрегат (это был 26-пушечный *Ekolmsund*). За ним отправили в погоню *Северную Звезду* и *Россию*. Из шведской эскадры на помощь фрегату вышли 3 корабля и фрегат под капитан-командорским флагом, против которых Головин выслал сперва 2 линейных корабля, а затем и третий. Стоявшие впереди *Самсон* и *Юпитер* из гаубиц, а передовые линейные корабли из пушек открыли огонь по приближающимся кораблям противника, "с коих равномерно ответствовали". Огонь велся на большой дистанции, и попаданий не было. Шведы повернули к своим. Головин считал, что они опасались быть отрезанными

По другим сведениям, они имели лишь цель отвлечь внимание русских от своего фрегата, что успешно и сделали.

Ночью вернулись *Северная Звезда* и *Россия*. Они не смогли догнать *Ekolmsund*, который скрылся, воспользовавшись ночной темнотой и плотным туманом.

7 июня майор Рахманинов привел к флоту 14 кончебасов "с сухопутными служителями". Их прислал фельдмаршал Ласси по настоятельным просьбам Головина, который хотел взять с них людей для пополнения собственных экипажей. Кончебасы были немедленно распределены по линейным кораблям. Приход этих небольших судов стал причиной событий, которые могли вылиться в генеральное сражение русского и шведского флотов. Заметив приближение кончебасов, шведы стали сниматься с якоря и формировать линию. Используя попутный WNW, их корабли начали спускаться на русскую эскадру. Головин приказал взять кончебасы на буксир, и в 3-м часу дня его корабли тоже снялись с якоря. Оба флота шли правым галсом до 5 часов. Дистанция между ними не превышала двух пушечных выстрелов. На русских кораблях успели сломать переборки кают и изготовить из них настилы для перевязки раненых. С 5 до 6 часов спустившийся туман закрыл противника, а когда видимость восстановилась, шведы находились к северу от русского флота. Головин пытался выиграть у них ветер, но это ему не удалось. В 8 часов вечера туман снова сгустился. Русский флот повернул на левый галс в надежде перехватить противника перед Гангутом.

Ночью 8 июня из-за тумана противники оказались в непосредственной близости друг от друга. Когда во 2-м часу ночи видимость слегка улучшилась, шведские корабли были обнаружены в пределах досягаемости русских орудий. Сведения о завязавшейся перестрелке весьма противоречивы. По одним из них, "с корабля *Св. Александр* начали палить по задним кораблям шведского флота", по другим - с передних "российских двух кораблей по переднему неприятельскому палили из пушек, от чего тот на всех парусах принужден бежать, за которым чинили двумя нашими кораблями погоню". Очевидно, их целью стал шведский бомбардирский корабль *Thordon*, который оказался почти в самой гуще русской эскадры. Он успел кинуть несколько бомб, после чего укрылся в тумане; к нему на помощь подошли 2 шведских корабля. Туман вынудил прекратить эту хаотическую перестрелку.

В 9 часов утра прояснилось. Шведы были на ветре к NW. Противники понемногу приближались к опасным водам у Гангута. Капитаны Бараков и Путилов в это время увидели и сообщили, что русские галеры уже успели обогнуть полуостров и входят в шхеры. Таким образом, план Головина выманить врага с его позиций на фарватере сработал. Основная цель была достигнута - путь галерам на запад был открыт.

В 11 часов Утфалль вновь повел свой флот на сближение с русским. Головин положил эскадру в дрейф, приказал сомкнуть линию и приготовиться к бою. Под барабанную дробь канониры заняли места у орудий. И

снова адмирал Головин не решился вступить в сражение. Объясняя позднее свое решение подветренным положением его кораблей и "от шхер весьма опасными и тесными местами", он привел флот на правый галс и возобновил маневрирование. Продолжалось оно до вечера, пока шведы не отвернули на север.

Вместо преследования противника Головин собрал у себя еще один консилиум. На нем было учтено, что галеры уже достигли шхер, что шведы имеют больше кораблей в линии и часть их кораблей сильнее, что наветренное положение у врага, что у наших кораблей на буксире кончебасы и что высочайшим указом от 28 мая велено зря не рисковать. В отчете императрице Елизавете адмирал не постеснялся заявить, что "к чести и славе Вашего Императорского Величества флота" противник так и не решился его атаковать. Вполне удовлетворенный подобными рассуждениями, Головин приказал флоту развернуться и уходить в Рогервик.

Стратегический выигрыш оказался у русских - гребной флот фельдмаршала Ласси мог теперь соединиться с галерами генерала Кейта и приступить к атакам шведского побережья. Но вот "чести и славы", вопреки мнению морского командования, события 8 июня русскому флоту явно не прибавили.

9 июня флот перешел в Ревель. Война для него фактически закончилась. Здесь он простоял до сообщения о заключении мира. Единственным достойным упоминания событием стал приход 29 июня двух 30-пушечных датских фрегатов - *Вейсе-Адлер* и *Шиури-Дерен*, которые провели в море три недели и зашли пополнить запасы и поправить такелаж. Согласно регламенту их должен был остановить и опросить командир брандвахты. С 1733 года в Ревеле на брандвахте стоял старый фрегат *Принцесса Анна*. К моменту появления у Ревеля датчан командовавший им лейтенант Великопольский в это время оказался почему-то на берегу, и фрегаты беспрепятственно подошли к русскому флоту. На следующий день Великопольского отдали под суд. Датские офицеры принесли извинения за самовольный вход в гавань. Извинения были приняты, и к датским морякам отнеслись весьма гостеприимно.

Отдельного изложения заслуживают действия небольшого 12-пушечного пакетбота *Меркуриус*.

Еще в 1742 году стало ясно, что для Швеции большую роль играет торговля через Данциг, откуда она получает многие важные товары. В Адмиралтейств-коллегии решили послать туда военный корабль. 18 октября 1742 года Адмиралтейств-коллегия определила для этой цели *Меркуриус*. Командовать им назначили лейтенанта Федора Валуева. 23 февраля Валуев, имея "назначение находиться в Данциге для обезпокоивания шведской торговли", вывел пакетбот из Ревеля. 3 марта *Меркуриус* прибыл в Данциг. Спустя всего два дня в море был им замечен и захвачен шведский галиот, на борту которого оказался груз трески и сельди. 17 марта, переведя на трофей штурмана Рентеля и 6 матросов, Валуев отправил их в Пиллау. 22

марта Валуев захватил еще один приз - шведскую яхту *Юнгфрау-Екатерина* с грузом железа, оцененного в 600 талеров, и 110 талерами медной монетой.

Для защиты своих интересов в Данциге Швеция выделила весьма серьезные силы - 2 фрегата и 2 брига (Адмиралтейств-коллегия собиралась послать на помощь *Меркуриусу* фрегат *Россия* с усиленным экипажем, но так и не сделала этого). 3 апреля шведские корабли подошли к Данцигу. Валуев успел ввести свой пакетбот в Вислу, но *Юнгфрау-Екатерина* снова досталась шведам. В дальнейшем, очевидно, сложилась патовая ситуация: корабли противника не могли войти в Вислу, а пакетбот, естественно, не мог пройти мимо них в море. Такое положение сохранялось до заключения мира, узнав о котором шведы ушли, оставив почему-то яхту в гавани Данцига. 29 июля мичман Алашев принял ее у городского магистрата.

5 августа *Меркуриус* и яхта взяли курс на Пиллау. Там Валуев надеялся присоединить галиот. Однако на месте выяснилось, что тот недавно пошел назад к Данцигу; в пути корабли разминулись. Не став возвращаться за трофейным судном, Валуев направил свой отряд прямо в Ревель и благополучно прибыл туда 22 августа.

Галиот, не застав в Данциге русские корабли, 18 августа отправился в Россию один. 21 августа судно попало в сильный шторм, его стало заливать. Когда вода поднялась на 2 фута, Рентель повернул назад к Данцигу. Но вода поднялась уже выше балласта, балласт сместился, и галиот затонул. Спаслись штурман и 4 матроса; им даже удалось позднее поднять такелаж.

В отдельное плавание был послан и захваченный осенью 1742 года *Ульриксдаль*. В состав эскадры его не включили "за плоскодонностью оно-го". До 31 мая он простоял в Ревеле, откуда был послан в финские шхеры. В силу своей малой осадки он мог там действовать совместно с прамами. Зайдя по пути в Гельсингфорс, 19 июня *Ульриксдаль* прибыл к Аландским островам. К этому времени уже состоялась предварительная договоренность о прекращении военных действий, и фрегат не пригодился. 12 августа он и оба прама отделились от галерного флота и пошли шхерами на юг. 20 августа они вышли в открытое море, а через 4 дня были в Ревеле.

В сентябре *Ульриксдаль* сменил на посту брандвахты *Принцессу Анну*, у которой открылась течь. Как оказалось, брандвахтенным кораблем он стал на удивительно долгий срок - в Ревеле он пробыл им до 1745 года, а затем в Кронштадте - с 1747 по 1773 год. То есть прослужил России он 30 лет!

1743 ГОД. ДЕЙСТВИЯ ГАЛЕРНОГО ФЛОТА

12 февраля 1743 года фельдмаршал П.П. Ласси изложил на собрании министров и генералитета план развертывания сухопутных сил в предстоящую кампанию. Важная роль в нем отводилась гребному флоту. Галерам предстояло обеспечить доставку значительной части армейских полков, а ластовым судам - "довольного числа для солдат провианта".

26 марта назначенные в поход 82 галеры были разделены на две эскадры, которые вручались под командование генералам В.Я. Левашову и Я.В. Кейту (Яков Вилимович Кейт в конце 1742 - начале 1743 годов получил назначение управляющего Финляндией, однако именно в это время он стал просить отставки для отъезда на родину в Англию. Не желавшая терять одного из лучших своих генералов, Елизавета осыпала Кейта подарками и убедила остаться. В 1747 году он все же вследствие происков канцлера Бестужева уехал в Англию. В 1758 году Кейт умер, будучи прусским фельдмаршалом). Левашову предстояло взять на галеры 7 полков, 11 гарнизонных рот и некоторые части, ожидавшиеся из Москвы. Кейт на своих галерах должен был разместить 13 полков (два из них стояли у Выборга и могли добраться своим ходом). 10 полков посылались в Финляндию посуху; 4 полка на всякий случай оставались в Петербурге и у Красной Горки.

Главной целью на 1743 года русское командование, как уже отмечалось выше, считало проведение высадки на побережье самой Швеции. Выполнение этой задачи сильно осложнилось, когда находившееся на переговорах в Або (ныне Турку) представители Швеции заметили отправку русского отряда на Аландские острова. Об этом они немедленно дали знать в Стокгольм. Шведы в срочном порядке выслали на Аланды довольно крупные силы. 1 апреля бывшему в Або Кейту об этом сообщил русский унтер-офицер, который перед этим конвоировал на острова шведского полковника Вильдебранта (шведы потом очень жалели, что не сообразили утопить русского в целях сохранения секретности). Более полные сведения доставил поручик Делаваль, желавший поступить на русскую службу. Кейт в качестве испытания послал его под видом почтового смотрителя лазутчиком к шведам. Делаваль сообщил, что шведские галеры доставляют на Аландские острова все новые подкрепления; к северо-востоку от архипелага дежурят линейный корабль и три фрегата (очевидно, для прикрытия галер). Отправленный Кейтом на Аланды отряд капитана Мансурова был атакован шведами. Потери сторон были, по данным Делаваля, небольшими, так как "шведы, видя наших приуготовляющихся к сильной обороне и отпору, со всех сторон окружающую (команду - М.М.), вдруг на них ударили, почему хотя уже нашим стоять против так много числа было и не можно, однако же храбрыми себя защищением более шведов побии, нежели с нашей стороны потеряно".

Кейт, узнав о ситуации на Аландских островах, срочно затребовал гале-

ры из Гельсингфорса и Борго, ибо "до прибытия оных шведы не точию во всех шерах (шхерах - М.М.) пребывание свое беспрепятственно иметь могут, но и еще, доезжая до самой твердой земли, своих людей в партии, посылая ежедневно, употреблять могут". Русских же сил на юго-западе Финляндии для обороны побережья было совершенно недостаточно. Также Кейт просил прислать эскадру Барша, "дабы тем неприятеля в Оланде усилиться не допустить".

8 апреля для обсуждения запроса Кейта и сообщений Делаваля собрался "генералитетский консилиум" в составе князя Долгорукого, фельдмаршала Ласси, генерала Андрея Ушакова, адмирала Головина, вице-канцлера Бестужева-Рюмина, обер-шталмейстера Куракина, генерал-лейтенантов Репнина, Игнатьева, Измаилова, фон Голштейн-Бека и тайного советника фон Бреверна. В силу создавшейся обстановки было решено изменить первоначальные замыслы и не ждать прихода в Финляндию гребной эскадры из Невы и Кронштадта, а подготовить 9 галер, остававшихся в Борго и Фридрихсгаме и отправить их "без всякого замедления, как допустит лед", к Гельсингфорсу. Соединившись с зимовавшими там 12 галерами, загрузив имеющиеся армейские части, можно будет идти к Або. Образованная таким образом эскадра будет представлять собой серьезную силу. Важным условием успеха генералитет счел необходимость обойти Гангут до подхода шведского флота. Естественно, что другая часть гребного флота и основные силы армии тоже ускорят свое развертывание. Кейту до прибытия галер с войсками следовало проявлять осторожность, ограничиваясь высылкой дозоров.

Генерал-лейтенант Хрущев, которому поручалось вести подкрепление Кейту, счел за лучшее объединить 12 галер из Гельсингфорса с 4 галерами из Борго. Не теряя времени, он повел их к Гангуту, возле которого 30 апреля встретился с ревальской эскадрой. Барш передал Хрущеву 2 прама и лоц-галиот.

3 мая, когда галеры стояли уже в двух милях западнее Гангутского полуострова, к ним отправился из Або сам Кейт, имевший сведения о пребывании на пути к Аландам 16 шведских галер (8 из них стояли у пролива Юнгферзунд, 8 - у о. Корпо). Он прибыл 6 мая и принял на себя командование, имея намерение "знатно авантаж над гордым неприятелем одержать". В качестве серьезного преимущества русские могли использовать наличие у них двух прамов и одиннадцать 22-баночных галер. У шведов все галеры были только 16-баночные. Кейт выбрал галеру *Днепр* в качестве флагманской и сразу же собрал на ней военный совет. Совет решил следовать к Юнгферзунду, а если шведы попытаются перекрыть проход, то атаковать их.

В отличие от Мишукова или Головина Кейт не стал тянуть с осуществлением принятого на совете плана. Уже 7 мая "по благополучной и теплой" погоде гребной флот пошел к шхерам. К сожалению, продвижение было крайне медленным, так как прама и транспортные суда галерам пришлось

вести на буксире. Вскоре один из прамов "незапно на камень взошел". Чтобы его снять, ушло много времени, поэтому пройденное за день расстояние оказалось невелико. Дважды в море показывалась шведская бригантина. На ночь русская эскадра стала на якорь в открытом море.

8 мая в 5-м часу утра продолжили движение. Несмотря на попутный ветер, парусов не поднимали "за множеством подводных камней". Спустя три часа передовая галера обнаружила противника. Кейт на Днепре вышел вперед. Он обнаружил, что шведские корабли стоят на якоре перед входом в Юнгферзунд. У противника насчитали 7 галер, 1 бригантину, 1 шняву и несколько шлюпок и дубель-шлюпок, "кои, увидя нас приближающихся, немедленно малым юнгферзундским фарватером рейтировались". У русских было 16 галер (*Дракон, Карась, Страус, Ока, Бодрая, Непобедимая, Елень, Ильмень, Днепр, Волхов, Единорог, Щука, Осетр, Валфиш, Ижора, Дон*), прамы *Олифант* и *Дикий Бык*, 3 галиота и 2 шмака. Всего на эскадре насчитывалось 5070 человек - 575 морских и 4495 армейских офицеров и нижних чинов Пермского, Кексгольмского, 1-го и 2-го Ландмилицейских и Черниговского полков (включая 90 нестроевых). В среднем на галерах находилось от 205 до 380 человек. На *Олифанте* (лейтенант Александр Соймонов) - 245, на *Диком Быке* (лейтенант Петр Прончищев) - 257 человек.

Русская эскадра не могла преследовать шведов, идя малым юнгферзундским фарватером, так он оказался слишком тесен для прохода прамов. Кейт решил пройти левее большим фарватером и перехватить шведов, однако его планам помешала погода - поднявшийся ветер мешал буксировке прамов. 8 и 9 мая русские корабли отстаивались на якоре возле урочища Иттис-Гольм (у Гитис-кирхи). 9 мая, воспользовавшись затишьем, попытались было продолжить движение. Но уже через полмили ветер снова усилился и заставил вновь стать на якорь. Кейт послал на 6 шлюпках отряд в 100 человек во главе с лейтенантом Василием Филисовым (командир галеры *Дон*). Им поручалось собрать сведения о противнике и найти среди местных жителей лоцманов. На русской эскадре никто не знал здешних вод, а плавание в шхерах без опытного проводника представляло чрезмерный риск. Филисов не нашел лоцманов, так как прибрежные деревни вообще оказались покинуты жителями. С шлюпок был замечен шведский галиот, который при виде русских поднял паруса и скрылся.

10 мая гребной флот вошел в пролив Юнгферзунд. Там он встретил возвращавшиеся шлюпки Филисова. Вечером эскадра вышла из пролива. На следующий день удалось пройти совсем немного, когда ветер вновь вынудил бросить якоря. Кейт опять для рекогносцировки и поиска лоцманов отправил несколько шлюпок. Одна из них обнаружила канонира с шведской флагманской галеры, который уснул на берегу и пропустил отплытие своего корабля. Пленный рассказал, что Фалькенгрэн с 15 галерами и 15 эспингами опасается вступить в бой с русскими. Он отступил к о. Корпо,

где ожидает прибытия прама Геркулес и 2 галер; могут подойти еще 8 галер, которые вооружаются в Швеции.

С 11 по 14 мая эскадра Кейта продвигалась очень медленно - мешал сильный ветер NNW. Учитывая возможность скорого сражения, Кейт отослал к Або безопасным путем ластовые суда и приказал очистить галеры от всего лишнего. Для "мерения дороги и постановки вехов, кои все шведами сняты были", вперед высыпались шлюпки и кончебас. Днем 12 мая их начали преследовать шведские галера и 2 дубель-шлюпки. Кейт "немедленно приказал авангардным галерам с возможною силою и поспешением к поддержанию наших шлюпок гресть; и видя неприятель приближающихся нас, поворотясь за остров, немедленно ретировался". Ветер не позволял буксировавшей прамы эскадре идти дальше, но Кейт и Хрущев прошли с несколькими галерами вперед полмили, когда заметили арьергард шведской эскадры (3 галеры и несколько мелких судов). Дождавшись, когда к вечеру все-таки подтянули прамы, Кейт выслал для атаки шведского арьергарда 4 галеры и все имеющиеся шлюпки. Шведы трижды выпалили из пушки, подавая основным силам сигнал, после чего спешно отошли. Русский передовой отряд сразу же занял их место. На следующий день генерал Кейт с 2 галерами тоже присоединился к своему передовому отряду, но остальные его корабли "за учинившимся вдруг прежде поднятия якоря противным ветром... на прежнем месте чрез продолжение целого дня простоять принуждены были". Сюда же пришло известие, что к стоявшим у Корпо кораблям Фалькенгрена пришел прам Геркулес (позднее узнали, что он вооружен двадцатью двумя 30-фунтовыми орудиями). Более приятное сообщение поступило на следующий день - генерал-майор Браткен, спешивший с 5 галерами из Борго, докладывал, что он уже прошел Гангут и может к вечеру соединиться с русской эскадрой. Нужно только починить сломанную мачту на его галере. Кейт тем не менее решил не дожидаться Браткена, а идти дальше к Корпо. К несчастью, когда через милю эскадра подошла "к одному тесному проходу, который подводными камнями и мелями окружен был", ветер снес оба прама на мель. Снять их смогли только к вечеру. 8 галер за это время прошли через узость и стали ввиду неприятеля. Ближе к вечеру пришел отряд генерала Браткена. Кейт велел ему пройти проход и занять место за передовыми галерами. В этот же день он разделил свои силы на три эскадры по 7 галер в каждой. Авангард поручался Хрущеву, арьергард - Браткену, кордебаталию Кейт оставил под своим непосредственным командованием.

На рассвете 15 мая дозорные заметили в 6 верстах перед русскими кораблями несколько шведских галер, в том числе галеру под вице-адмиральским флагом. Точное число кораблей противника выяснить помешали лежавшие впереди острова. Кейт сразу же дал сигнал к походу всему флоту. Шведы и на этот раз не решились принять бой, предпочтя "с поспешением" отойти по направлению к Аландам. За отступающим противником "для высматривания его сил" были отправлены 10 шлюпок и кончебас под

прикрытием двух галер. Получивший это задание офицер насчитал у шведов 17 галер, 1 полугалеру, 2 шмака и галиот в сопровождении многих мелких судов. Все они уходили на веслах; концевой шла галера самого Фалькенгрена.

Русский флот занял оставленные шведами позиции и около 10 часов утра стал за о. Корпо на якорь, чтобы переждать штормовой ветер и пополнить запасы воды на прамах. Острова в этом месте образуют хорошую гавань, где можно найти защиту в любую бурю. Ветер все больше усиливался, и русские корабли продолжали стоять у Корпо. 18 мая в море показался шведский галиот под белым флагом. Для выяснения к нему отправили шлюпку. Оказалось, что этот галиот доставил шведского министра Нолькена, возвращающегося из Стокгольма на переговоры в Або, куда его беспрепятственно и пропустили. Вечером того же числа наблюдатели увидели, как шведская эскадра пришла в движение. На фоне закатного неба было хорошо видно, что "оний неприятельский флот прямо к нам, приближаясь, приступает". Шведские корабли шли тремя колоннами. Не дотянув 3 верст до русских позиций, они в 11-м часу вечера стали на якорь.

Кейт выдвинул свои 2 прама в узкий проход между островами. На берегу вблизи прама он распорядился установить батарею из 4 полковых пушек и послать туда 300 солдат. Сражение, к которому готовились и русские, и шведы, не позволила на следующий день начать грозная погода. Русские успели поставить еще одну береговую батарею. Для нее сняли четыре 8-фунтовых орудия с конных галер. Эту батарею даже защитили бруствером. Было совершенно ясно, что тесный проход между островами позволит русскому флоту использовать в сражении помимо прама лишь небольшую часть галер. Это играло на руку шведам, у которых имелось 18 галер и 1 прам против 21 русской галеры и 2 прама.

Около трех часов дня 20 мая с шведского прама *Геркулес* взлетели сигнальные ракеты, а вскоре были сделаны первые пристрелочные выстрелы. Ядра не достигли даже береговых батарей. Прамы стояли на 100 сажень дальше. Шлюпки подтянули *Геркулес* ближе к о. Корпо. В одной линии с прамом шли шведские галеры в сопровождении мелких судов. В 4 часа противник сблизился с русскими кораблями на расстояние пушечного выстрела. Соймонов и Прончищев запросили разрешения открыть огонь, однако Кейт ждал, когда шведы подойдут на ружейный выстрел. Шведы так близко подходить не собирались и поставили свой прам на шпринг; справа и слева от него стояли их галеры. Видя, что шведский прам подставил борт, Кейт приказал сделать 2 пристрелочных выстрела с верхней батареи прама. Одно из ядер дало перелет, другое попало в корму *Геркулеса*. Теперь можно было вести огонь полными залпами.

Артиллерийская дуэль продолжалась до 7 часов вечера. У шведов действовали прам и правое крыло галер; левое крыло пыталось вести перекидной огонь через остров. В русском флоте основная тяжесть боя легла на прама *Олифант* и *Дикий Бык*. Вместе с ними вести бой смогли только

несколько галер. Сведения о их числе весьма противоречивы - от 3 до 8. Очевидно, в линию были выведены 7 - 8 галер, но эффективно вести огонь могло лишь несколько из них. Ласси, опираясь на отчеты Кейта, записал в журнале боевых действий, что "оние прамамы по узости места принуждены были противу всего шведского флоту отстреливаться" и что "галеры же за прамамы в плесе без всякого действия находиться принуждены были". Последнее, очевидно, относилось к тем галерам, которые даже и не могли подойти к месту боя. В любом случае очень показателен расход боеприпасов: с прамамов - 1063 заряда, с галер - 322, с батареей - 89. На кораблях руководил боем капитан Иван Кайсаров; Кейт взял на себя общее командование и, чтобы лучше видеть картину боя, расположился поближе к противнику на одной из батарей.

Огнем русских прамамов из строя был выведен *Геркулес*, "который уже за полтора часа до их (шведов - М.М.) ретирады более и не действовал". Он вышел из боя и укрылся за одним из ближних островов. Также удалось повредить несколько вражеских галер, в том числе флагманскую, которая 2 раза уходила за острова "знатно будучи повреждена от ядер, точию по исправлении паки выходя действовала". В 8-м часу шведы стали окончательно выходить из боя. Одна из галер была повреждена особенно сильно - она с трудом шла "в три весла" и сидела очень низко в воде. Как отметил в своих "Записках о России" генерал Христофор-Герберт Манштейн, "Кейт не преминул бы преследовать неприятеля, но так как ветер дул в самый вход в гавань, то не было возможности выйти из нее, и поэтому послали только несколько вооруженных шлюпок и один кончебас, чтобы преследовать мелкие суда, сновавшие еще там и сям". Около полуночи шведский флот ушел уже так далеко, что посланные за ним шлюпки не обнаружили его в пределах 20 верст. Наблюдатели поднимались даже на возвышенность, но и оттуда никого не увидели.

Победа досталась русским ценой 9 погибших и 15 раненых, а также повреждением прамамов и двух галер. *Дикий Бык* получил 39 сквозных пробоин; 3 орудия на нем были разбиты. На *Олифанте* насчитали 20 пробоин. Еще на одной галере из-за собственного огня открылась течь. 21 мая шведские корабли вновь сблизились и были замечены брандвахтой, но ветер и необходимость чинить поврежденные прамамы и галеры не позволили русскому флоту начать преследование.

Остров Корпо отделяли от Або лишь несколько миль, поэтому участники переговоров хорошо слышали канонаду и гадали о результатах сражения. Кейт задержал сообщение на сутки. Шведы, считавшие, что о победе русский генерал сообщит бы сразу, уже начали торжествовать, когда прибыл его адъютант с подробной реляцией.

22 мая генерал Кейт собрал военный совет, решивший преследовать противника и атаковать его при первой же возможности. 24 мая, когда были починены поврежденные корабли, русский флот снялся с якоря и через несколько часов обнаружил шведов. Дальнейшие события подроб-

но описал Манштейн: "Генерал дал сразу же сигнал к сражению. Все три эскадры стали в боевой порядок, но пока они строились, неприятели подняли паруса и отошли. Русский флот гнался за ними на всех парусах, но, пройдя около мили, подошел к узкой местности, где воды было не более как на 11 футов, так что прама, будучи не в состоянии пройти там, были вынуждены стать на якорь, и галеры построились в очень удобной гавани, образованной островами; место это называется Суттонга. Отступление шведов удивило русских, тем более что они знали, что на другой день после сражения шведы получили в подкрепление фрегат и несколько галер, так что флот их не только равнялся русскому флоту, но еще превосходил его. Немного времени спустя узнали, что на шведов навели страх маленькие лодки русских маркитантов, которые, пользуясь попутным ветром, подняли паруса и следовали за русским флотом. Неприятели, видя, что все море покрыто парусами, вообразили, что фельдмаршал Ласси прибыл уже со своим флотом и что они поэтому были слишком слабы, чтобы решиться на новое сражение". Кейт счел занятую его кораблями позицию очень удачной, разместил у входа в гавань 7 батарей в 4 - 5 орудий и стал дожидаться подхода флота Ласси. Самому ему начинать активные действия теперь было опасно, так как силы противника увеличились до 24 галер, фрегата, прама и нескольких малых судов.

Ласси же к этому времени выводил свои корабли из Гельсингфорса, куда они прибыли из Петербурга и Кронштадта. Еще 3 мая в Неве состоялись торжественные проводы гребного флота в присутствии самой императрицы. Елизавета посетила галеру фельдмаршала и после молебна подарила ему драгоценное кольцо и золотой крест с мощами. Вечером галеры вышли из Невы и на следующий день прибыли в Кронштадт, о пребывании в котором уже говорилось.

Утром 8 мая гребной флот, состоящий из 34 галер и 70 кончебасов, покинул Кронштадт и вечером бросил якоря у Березовых о-вов. В походе флот был разделен на 3 эскадры. Авангардом командовал генерал-лейтенант Левашов, с ним были генералы Брилли и Ведель; на их галерах разместились 3 полка и гренадерские роты. Арьергард под свое начало получил граф Салтыков, помогал ему генерал Стюарт; у них тоже были 3 полка и 3 роты. Кордебаталию взял себе лично Ласси, его заместителем был генерал-майор Лопухин. У них было на 1 роту меньше. Из указанных выше 8 гренадерских рот 4 прибыли на галиотах 9 мая из Выборга. 10 - 11 мая флот стоял в 10 верстах от Березовых островов, пережидая непогоду. Море вблизи берегов было местами еще покрыто льдом, люди на кораблях очень страдали от холода. 12 мая прошли 30 верст. В этот день поступило сообщение от лейтенанта Бахтина, командира бомбардирского корабля *Дондер*. Тремя днями раньше *Дондер*, хотя и имел при себе финского лоцмана, вблизи от Выборга "набежал и стал всем корпусом корабля на подводный камень". С него свезли на берег все припасы, но снять корабль не удалось. Ласси послал на помощь незадачливому лейтенанту 3

галеры и 2 кончебаса во главе с подполковником Иваном Грабленовым. На следующий день Грабленов сообщил, что его силами снять *Дондер* не удалось и необходимы еще 3 - 4 галеры и десяток кончебасов. Вместо них прибыл капитан Толбухин для изучения ситуации. После ряда бесплодных попыток снять корабль стало ясно, что от галер в любом их количестве толка не будет - шпелей на галерах нет, а мускульной силы матросов на шлюпках не хватает. Корабли были возвращены, Бахтину предложили ждать помощи из Выборга.

В последующие дни продвижение шло крайне медленно из-за плохой погоды; в Гельсингфорс пришли только 22 мая. Из местного гарнизона на галеры были взяты 200 человек взамен больных, которых оставляли в городе. В этот день Ласси получил неприятное сообщение, что шведский флот "против Гангута в заливе стоит неподвижно и так к берегу близко, что мало разве фузейный выстрел действовать не может". Шведы постоянно высылают шлюпки для изучения береговой линии, из-за чего пришлось покинуть маленький форпост у Гангута и сжечь там маяк. Более приятное известие о сражении у Корпо пришло от Кейта. В честь победы отслужили благодарственный молебен, и 24 мая гребной флот Ласси покинул Гельсингфорс. 26 мая остановились, не доходя 3 миль до Гангута. В 4-м часу Ласси в сопровождении старших офицеров на шлюпках прошел дальше на запад и, оценив силы и расположение шведского флота, пришел к выводу, что попытка прорваться даже в штиль будет неоправданным риском. На следующий день состоялся военный совет, постановивший ждать кораблей Головина, а капитан Артемий Толбухин с обер-квартирмейстером Бретшнейдером и двумя инженерами был послан для уточнения сил и расположения кораблей противника. Из их доклада стало ясно, что шведы надежно перекрывают все возможные пути и что устанавливать батареи на берегу смысла не имеет. В течение следующих нескольких дней "всякий день генерал-фельдмаршал ездил на шлюпках для присматривания упомянутого неприятельского корабельного флота".

31 мая пришли 4 галеры полковника Мейндорфа, доставившие Ладожский полк и гренадерскую роту Нарвского полка. Через три дня прибыли 10 галер с войсками генерал-майора Караулова. Появились также 18 кончебасов, построенных в Петербурге. В тот же день поручик Шулепов доставил сообщение Головина о прибытии к Гангуту линейного флота. О переговорах адмирала и фельдмаршала уже говорилось выше.

6 июня Ласси опять осматривал расположение русского и шведского флотов. Этой ночью на передовых галерах видели приближение шведского фрегата к русским кораблям, а затем слышали перестрелку, насчитав 30 выстрелов с русских кораблей и 16 - с шведских. На следующий день, как и было условлено с командованием линейных сил, Ласси ждал возможности обогнуть мыс, когда шведы пойдут за эскадрой Головина. В 4-м часу дня наблюдатели сообщили, что оба парусных флота уходят в море, причем снялись с якоря и те три шведских корабля, которые перекрывали при-

брежный фарватер. "И по усмотрению оно́го тотчас генерал-фельдмаршал, по учинении к походу сигналу, от Твереминде с галерным Ея Императорского Величества флотом отправился к Ангуту, и прошед Ангут до островов Скайцель и Галтуль три с половиною мили; и благополучно авангардии первые галеры в шхеры, позади Гангута лежащие, пополудни в 8 часов прибыли, а потом авангардии ж достальные и кордебаталии тож 8 числа поутру рано и ариергардии благополучно прибыли," - сообщается в "Журнале военных действий русской армии на галерном флоте". Густой туман оказался очень кстати при этом прорыве. На следующий день гребной флот уже шел в шхерах.

За пропуск русских галер мимо Гангута адмирала фон Утфалля впоследствии приговорили к лишению полугодового жалованья.

В шхерах противника не было, и единственной серьезной проблемой оказалось отсутствие лоцманов. Ласси тоже высылал отряды на поиски местных жителей, но поисковые партии так и не обнаружили никого, кто мог бы стать проводником флоту. В итоге 9 июня одна из галер напоролась на подводный камень (через 3 дня она смогла догнать эскадру).

12 июня две гребных эскадры соединились в Суттонге. На горизонте виднелся шведский гребной флот, усиленный артиллерийскими кораблями. Через 5 часов шведы стали сниматься с якоря и отходить. Кейт с частью галер и кончебасами занял оставленные ими позиции. К 14 июня русский флот прошел около трех миль, когда вновь возле о. Дегерби к востоку от Аландского архипелага удалось заметить ненадолго неприятеля, и опять тот предпочел сразу скрыться. В прибрежной деревне русским сдался отставший солдат Упландского полка. Он сообщил, что русскому гребному флоту сейчас противостоят 24 галеры, 2 прама - *Геркулес (Herkules)* и 40-пушечный *Готский Лев (Göta Lejon)*, 3 фрегата и 3 дубель-шлюпки. На флоте "миру все единогласно желают и ожидают из Абова от министров их известия". Галерный флот собирается уходить в Стокгольм. 16 июня посланные в дозор офицеры сообщили, что шведского флота нигде не видно. Шведский гребной флот, действительно, вернулся к своим берегам.

17 июня 10 галер и 10 кончебасов были переданы под командование генералу фон Братке с тем, чтобы после захода в Або и присоединения там нескольких ластовых судов с провиантом, он привел их к генерал-лейтенанту Штофелю для "учинения неприятелю знатной диверсии". Эту операцию планировалось осуществить уже в самой Швеции.

Утфалль после прорыва русских галер решил войти в шведские шхеры, чтобы по крайней мере хоть их прикрыть от нападений противника. Тем временем к нему на корабле *Fredrik Rex* прибыл адмирал Таубе. Он принял общее командование на себя. На военном совете Утфалль стоял за то, чтобы дать русскому флоту сражение. Большинство было против этого; к тому же на кораблях имелся недостаток воды. Но главное - Таубе знал, что в Або переговоры близятся к завершению и подписанию мира. Поэтому шведский флот ограничился пребыванием в районе между Даго и

Готландом в ожидании решения короля. Получив 17 июня известия о подписании прелиминарных соглашений, Таубе увел флот в Эльвснаббен.

18 июня курьер из Або доставил сообщение и фельдмаршалу Ласси, который сразу же приостановил ведущиеся на суше наступательные операции. На галерном флоте было разрешено перевести солдат и желающих офицеров с кораблей в лагерь на берег. Здесь, у западных берегов Финляндии, русский гребной флот простоял до середины августа (окончательное мирное соглашение было подписано 7 августа).

ФЛОТ В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ МЕСЯЦЫ

По данным шведского историка Гилленграната, война стоила Швеции 50.000 человек и 130 бочонков золота (это свыше 2 миллионов рейхсталеров). Помимо этого, по Абоскому миру она уступала России Кюменскую и часть Саволакской провинций с городами Фридрихсгам, Вильманstrand и Нейшлот. Отказ России от присоединения всей южной Финляндии имел целью укрепить русско-шведские отношения и затем вовлечь Швецию в русло российской политики.

Сближению России и Швеции, казалось бы, способствовала ситуация с выборами наследника шведского престола. Из нескольких претендентов к середине 1743 года наибольшие шансы имели принц Голштейнский епископ Любекский Адольф-Фредрик (дядя наследника русского престола Петра Федоровича) и датский наследный принц. Естественно, что Россия поддерживала первого из них, а Дания - второго. Датский принц имел многочисленных сторонников, так как Дания обещала серьезную помощь в войне с русскими. Однако, когда подполковник Линген на дырявой лодчонке переплыл от Аланд до Стокгольма и сообщил о подписании предварительных мирных статей, ситуация полностью изменилась. Большинство высказалось за Адольфа-Фредрика.

Выбор наследника не смягчил политическую ситуацию, а резко обострил ее. Дания, ссылаясь на то, что за ее кандидата высказались три шведских сословия - крестьянство, мещанство и духовенство, - стала готовиться к войне. Ее сторонники спровоцировали мятеж в шведской провинции Далекарлия, откуда толпа в несколько тысяч человек ворвалась в Стокгольм, не встретив никакого сопротивления столичного гарнизона. Рассеять мятежников удалось лишь потому, что вскоре прибыли галеры с войсками.

Русский галерный флот некоторое время оставался вблизи Швеции, чтобы при необходимости прийти на помощь бывшим врагам. 9 августа Ласси получил известие о подписании мира и приказ увести флот и войска к границам России. В этот же день из шведского плена были возвращены захваченные на Аландах офицеры и солдаты.

12 августа галерный флот Ласси покинул позиции у Дегерби и через 5 дней прибыл в Гельсингфорс. Там были посажены на галеры оставленные

ранее больные и оказавшиеся в городе по разным причинам солдаты. Также поступили и по прибытии 19 августа в Фридрихсгам. Но в нем оставили 3 пехотных полка и 300 драгун, поручив их генералу Братке. 23 августа галеры подошли к Березовым островам, где остановились на неделю. Здесь с 25 по 27 разыгрался шторм, натворивший много бед. У 8 галер арьергарда оборвало якоря; две из них были брошены на камни и разбились, остальные шесть переломились и затонули со всем содержимым. Повреждения получили несколько кончебасов и шлюпок. Люди не пострадали, так как находились в лагере на берегу.

У Березовых островов Ласси получил высочайшее распоряжение отослать часть своих сил назад к Гельсингфорсу. Дания к этому времени открыто готовила войну со шведами, и Швеция, не слишком веря в свои силы, стала просить помощи у России. С этой целью в Петербург был послан генерал Дюринг. Российский двор, заинтересованный в укреплении позиций своего (как считали) ставленника, согласился помочь.

Во исполнение полученного приказа Ласси 29 августа отослал 10 полков (всего 11 тысяч человек) на 26 галерах и нескольких кончебасах. Командование над этим отрядом получил Кейт; с ним отправлялись генералы Салтыков, Лопухин и Стюарт. Из Гельсингфорса они направились в Швецию. Ласси с остальным флотом вернулся в Петербург. Императрица прислала навстречу фельдмаршалу собственную яхту для торжественного вступления в город, пожаловала потом ему несколько деревень, шпагу, табакерку с бриллиантами и три тысячи рублей прибавочного жалованья. Остаток жизни Ласси провел на должности губернатора Лифляндии и скончался в Риге в 1751 году.

Согласно инструкциям корпус Кейта оказывался в распоряжении шведского короля, но Кейт при этом подчинялся напрямую Елизавете и фактически исполнял еще и функции русского посла в Швеции.

У гребного флота России не было опыта плавания (к тому же такого далекого) в осеннее время. Несмотря на холода и частые штормы в октябре эскадра прибыла к берегам Швеции. Кейт отправился в Стокгольм договориться о зимних квартирах. По мнению современников, никто, кроме Кейта, не смог бы справиться с подобным заданием. Кейт раньше долго служил на галерном флоте в Испании и хорошо знал возможности этих кораблей.

Зимовать русским войскам было назначено в прибрежных селениях Седерманландии и Остерготики, куда из-за отсутствия лошадей пришлось опять же идти морем. Погода почти не давала продвигаться, и на берег удалось сойти только в конце ноября. Галеры были оставлены в небольшой гавани недалеко от Стокгольма под охраной двух полков, размещенных поблизости.

В случае необходимости Россия предполагала задействовать против Дании и свой линейный флот. Еще в конце июля рассматривался вопрос о выделении ожидаемой архангельской эскадры или части Балтийского флота

для обеспечения переезда новоизбранного наследника из Штральзунда в Швецию. К 9 августа стало ясно, что для этой операции нужен весь флот, так как Дания в Копенгагене держит эскадру из 24 кораблей. Препятствием оказалась нехватка продовольствия для дальнего похода, поэтому флот оставался у Наргена. 19 августа Головин собрал консилиум, который счел пребывание в море и тем более поход из-за позднего времени года опасным и решил перевести корабли в ревельскую гавань, где грузить припасы и ждать дальнейших распоряжений. Подобные резолюции принимались на консилиумах еще 27 августа, 10 и 20 сентября. Однако Елизавета считала присутствие русского флота в западной части Балтийского моря "не без доброго и полезного действия для удержания датского двора" от агрессивных действий. Головину приказывалось быть в море весь сентябрь, не допуская датские транспорты к шведским берегам, но тот продолжал ссылаться на отсутствие продовольственных припасов на флоте и опасности осеннего плавания. Впрочем, последний аргумент опроверг лейтенант Вышеславцев. В сентябре фрегат *Россия*, которым он командовал, успел дойти до Копенгагена и вернуться назад в Ревель. Плавание имело целью сбор сведений о ситуации в Дании, а официальное объяснение сводилось к необходимости встретить архангельскую эскадру. В нехватке припасов виноваты были власти, ничего не сделавшие за весь август и сентябрь, несмотря на настойчивые требования Головина. Ситуация даже ухудшилась, и в конце сентября личный состав перевели на сухари и крупу. Но командование флотом также не стремилось найти какой-то выход из положения, вполне довольное спокойным пребыванием в Ревеле.

25 сентября из Ревеля в Кронштадт ушли *Св. Петр*, *Св. Павел*, *Ревель*, *Северный Орел*, *Ингерманланд*, *Св. Александр*, *Слава России* и галиот *Тонеин*. С ними отправился Головин, который съехал 28 сентября на берег серьезно больным (императрица была им очень недовольна; вскоре он вышел в отставку и уехал в Гамбург, где умер в 1745 году). В тот же день 28 сентября в Ревель специальный курьер доставил Баршу приказ принять на оставшиеся корабли продовольствие на две недели и выходить в море "для некоторой экспедиции". 4 октября эскадра Барша вышла в море, однако простояв между Рогервиком и Наргеном, 21 октября безрезультатно вернулась в Ревель. Причиной бездействия, очевидно, стали известия из Швеции: 25 сентября эскадра Таубе доставила наследника в Карлскрону, что лишало смысла приход туда русских кораблей.

Осенью выяснилась судьба архангельской эскадры. Еще в апреле командование над ней поручили капитану Люису. Всю весну и начало июня Адмиралтейств-коллегия торопила его с выходом в море, грозя за промедление наказанием. 4 июля в Архангельске получили сообщение о прекращении военных действий. 15 июля корабли *Св. Исаакий*, *Екатерина* (66 пушек; спущен в июне 1742 года), фрегаты *Меркуриус*, *Аполлон*, *Кавалер* вышли из Архангельска. Фрегаты *Кронделивде* и *Вахтмейстер* из-за ветхости решено было не брать. Соединившись с зимовавшими в Екатери-

нинской гавани кораблями *Фридемакер*, *Леферм*, *Счастье* и *Св. Пантелеймон*, эскадра 6 августа ушла от Кильдина. С собой взяли также гукор *Кроншлот*.

Спустя 4 дня корабли Люиса попали в жестокий шторм, который бушевал до 21 августа. Из-за него 11 августа *Счастье* лег на обратный курс; вскоре в дожде потерялся *Фридемакер*. Чуть позже ушли назад *Леферм*, *Св. Пантелеймон* и *Аполлон*. 23 августа из-за встречного ветра ночью отстали *Св. Исаакий* и *Кавалер*, которые через четыре дня присоединились уже за Нордкапом. Однако 29 августа они снова потерялись в тумане. 13 сентября капитан Люис на *Екатерине* прибыл к Копенгагену в гордом одиночестве. *Меркуриус* шел с отставанием. Ночью 13 сентября в проливе Каттегат он налетел на песчаный риф и был разбит волнами. Причиной катастрофы стал туман, в котором капитан фрегата Алексей Нагаев (впоследствии известный гидрограф) принял свет маяка за корабельный фонарь. Все припасы погибли, но люди не пострадали.

В Копенгагене Люис пробыл до 7 октября. За это время туда пришли *Св. Исаакий*, *Св. Пантелеймон*, *Кавалер* и гукор. Не обнаружив кораблей Балтийской эскадры, Люис повел свой сильно поредевший отряд к русским берегам. В начале ноября его корабли прибыли в Кронштадт. Следующим летом сюда с Белого моря пришли оставшиеся там 3 корабля и фрегат.

С прибытием эскадры Кейта в Швецию и кораблей Люиса в Кронштадт кампания 1743 года для русского флота закончилась. К следующему лету Швеция, имевшая в качестве весомых аргументов корпус Кейта и дипломатическую поддержку русского двора, договорилась с Данией. 2 августа русский гребной флот прибыл из Швеции в Ревель. К сожалению, поддержка Адольфа-Фредрика не принесла выигрыша для России. Став наследником шведского престола, он примкнул к антирусской партии "шляп" и начал поддерживать Пруссию. Ожидаемого сближения России и Швеции не произошло.

Подводя итоги, можно отметить, что в русско-шведской войне 1741-1743 годов действия на море были второстепенными в сравнении с действиями сухопутных сил. Тем не менее само наличие достаточно сильного корабельного флота у России значительно помогло действиям в Финляндии. Хотя не было настоящих сражений и тем более явных побед, все же русский флот оказался по крайней мере ничуть не хуже шведского. Учитывая его состояние накануне войны, вряд ли можно было ожидать большего. Гребной же флот России бесспорно имел превосходство над противником и внес весомый вклад в достижение победы. Русско-шведская война 1741-1743 годов заставила Россию в полной мере востребовать боевой потенциал своего флота. Это могло послужить хорошей основой для дальнейшего возрождения морского могущества России на Балтике. Тем обиднее, что сразу же по окончании боевых действий интерес русского двора к морским делам исчез и состояние Балтийского флота при Елизавете оказалось весьма печальным.

ЛИНЕЙНЫЕ КОРАБЛИ И ФРЕГАТЫ РОССИИ В 1741 - 1743 ГОДАХ

Сведения приводятся в следующем порядке: название корабля; количество орудий; место постройки и год спуска на воду; основные размерения в футах; командиры корабля в 1741 - 1742 - 1743 годах (без указания звания приводятся капитаны полковничьего ранга).

ЛИНЕЙНЫЕ КОРАБЛИ

СВЯТОЙ АЛЕКСАНДР : 70; С.-Петербург, 1717; 155 x 43 x 15; Джеймс Кенеди - вице-адмирал Захарий Мишуков (флагман), Дж.Кенеди - контр-адмирал Денис Калмыков (флагман), Джордж (Георгий) Паддон.

НОВАЯ НАДЕЖДА : 54; С.-Петербург, 1730; 143 x 38 x 17; князь Волконский - лейтенант князь Урусов - он же. (С 1742 года корабль использовался как госпитальное судно).

СЛАВА РОССИИ : 66; С.-Петербург, 1733; 155 x 41 x 18; Алексей Дмитриев-Мамонов - Томас Стокс (Штокс) - он же.

СЕВЕРНЫЙ ОРЕЛ : 66; С.-Петербург, 1735; 156 x 42 x 18; контр-адмирал Яков Барш (флагман), Джордж Паддон - Алексей Дмитриев-Мамонов - Генрих Сниткер (Шниткер).

ГОРОД АРХАНГЕЛЬСК : 54; Архангельск, 1735; 143 x 38 x 17; Степан Малыгин(?), Андрей Полянский (?) - Малыгин - он же.

РЕВЕЛЬ : 66; С.-Петербург, 1735; 156 x 42 x 18, Томас Стокс - контр-адмирал Денис Калмыков (флагман), Иван Черевин - Воин Римский-Корсаков, Андрей Полянский.

СЕВЕРНАЯ ЗВЕЗДА : 54; Архангельск, 1735; 143 x 38 x 17; Ян Опий - лейтенант Федор Лавров - он же, лейтенант Петр Чихачев, Алексей Дмитриев-Мамонов.

ИНГЕРМАНЛАНД : 66; С.-Петербург, 1735; 156 x 42 x 18; Иван Черевин - контр-адмирал Яков Барш - Иван Черевин.

ОСНОВАНИЕ БЛАГОПОЛУЧИЯ : 66; С.-Петербург, 1736; 155 x 42 x 18; Макар Бараков - он же - он же.

НЕПТУНУС : 54; Архангельск, 1736; 143 x 38 x 17; Степан Малыгин - Ян Фастинг - Генрих Сниткер, лейтенант Федор Лавров.

АСТРАХАНЬ : 54; С.-Петербург, 1736; 143 x 38 x 17; Даниил Герценберг - Генрих Сниткер - контр-адмирал Яков Барш (флагман), Ян Фастинг.

АЗОВ : 54; С.-Петербург, 1736; 143 x 38 x 17; Генрих Сниткер - Андрей Полянский - он же, Воин Римский-Корсаков.

СВ. АНДРЕЙ : 54; Архангельск, 1737; 143 x 38 x 17; Ян Фастинг - Даниил Путилов - он же.

ИМПЕРАТРИЦА АННА : 100/114; С.-Петербург, 1737; 186 x 50 x 22 (не вооружался и в кампаниях не принимал участия).

КРОНШТАДТ : 54; Архангельск, 1738; 143 x 38 x 17; советник Лопухин - Ян Опей - он же.

ЛЕФЕРМ : 66; Архангельск, 1739; 155 x 42 x 18; - вице-адмирал Петр Бредаль (флагман), Джон Никлас - Дж. Никлас.

СВ. ПАНТЕЛЕЙМОН : 54; Архангельск, 1740; 143 x 38 x 17; - Вилим Люис - Герард-Антон Кейзер.

СВ. ИСААКИЙ : 54; Архангельск, 1740; 143 x 38 x 17; Матиас Тем - князь Степан Мещерский - он же.

СЧАСТИЕ (бывший *ГЕНЕРАЛИССИМУС РОССИЙСКИЙ*) : 66; Архангельск, 1741; 156 x 42 x 18; - князь Михаил Несвицкий - он же.

БЛАГОПОЛУЧИЕ (бывший *ПРАВИТЕЛЬНИЦА РОССИЙСКАЯ*) : 66; Архангельск, 1741; 156 x 42 x 18; - Герард-Антон Кейзер - .

СВ. ПЕТР (бывший *ИОАНН*) : 66; С.-Петербург, 1741; 156 x 42 x 18; - Даниил Герценберг - адмирал Федор Головин (флагман), Д. Герценберг.

ЕКАТЕРИНА : 66; С.-Петербург, 1742; 156 x 42 x 18; - - Вилим Люис, Конон Прончищев.

ФРИДЕМАКЕР : 66; Архангельск, 1742; 156 x 42 x 18; - - Иван Апрельев.

СВ. ПАВЕЛ : 80; С.-Петербург, 1743; 169 x 46 x 21; - - Алексей Дмитриев-Мамонов, Дж. Кенеди.

ФРЕГАТЫ

ДЕКРОНДЕЛИВДЕ (КРОНДЕЛИВДЕ): 32; Амстердам, 1720; 105 x 32 x 14; лейтенант Семен Мордвинов - лейтенант Яков Вышеславцев - .

РОССИЯ : 32; С.-Петербург, 1728; 118 x 32 x 14; Татищев - лейтенант Семен Вышеславцев - он же.

ВАХМЕЙСТЕР : 46; С.-Петербург, 1732; 120 x 32 x 14; Даниил Путилов - лейтенант Семен Мордвинов - .

ГЕКТОР : 32; Архангельск, 1736; 118 x 32 x 14; лейтенант Гур Костома-ров, советник Аничков - князь Урусов - . (Корабль затонул в 1742 году.)

ВОИН : 32; Архангельск, 1737; 118 x 32 x 14; лейтенант Семен Выше-славцев - лейтенант Аболешев - он же.

КАВАЛЕР : 32; Архангельск, 1737; 118 x 32 x 14; Алексей Нагаев - лейтенант Игнатъев - он же.

МЕРКУРИУС : 32; Архангельск, 1740; 118 x 32 x 14; - Алексей Нагаев - он же. (Корабль затонул в 1743 году.)

АПОЛЛОН : 32; Архангельск, 1740; 118 x 32 x 14; Иван Апрельев - он же - лейтенант Семен Мордвинов.

НЕКОТОРЫЕ ТИПЫ КОРАБЛЕЙ И СУДОВ, ПРИМЕНЯВШИХСЯ НА БАЛТИКЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII В.

БАРКАС (барказ) - большая и крепкая шлюпка, используемая для различных целей: перевозка людей, заводка якорей и пр.

БОМБАРДИРСКИЙ КОРАБЛЬ (бомбарда, шихбомбарда) - парусный двух- или трехмачтовый корабль, вооруженный 12 - 14 пушками крупного калибра или 2 - 4 мортирами. Применялся для бомбардировки крепостей и портов. Имел усиленную конструкцию корпуса и повышенную остойчивость. Имел длину порядка 80 - 100 футов.

БОТ - небольшое одномачтовое судно. Применялось в промысловом и военном флоте. Более крупные суда покрывались палубой (палубные боты), вооружались мелкой артиллерией и фальконетами. Могли иметь длину до 60 футов.

БРАНДЕР - выслуживший свой срок военный или торговый корабль, который нагружался горючими веществами и предназначался для уничтожения неприятельского флота путем поджога его кораблей при свалке с ними вплотную.

БРИГАНТИНА РУССКАЯ - небольшое одномачтовое или двухмачтовое судно. В русском флоте так назывались парусно-гребные суда для действий в шхерах или у берегов, имели 12 - 15 пар весел, 70 человек экипажа. На их вооружении находились четыре 3-фунтовых орудия, а команда насчитывала 50 человек. Имели палубу. Могли лавировать при противном ветре.

ГАЛЕРА - военное гребное судно относительно крупного размера для действий у берегов и в шхерах, приводилось в движение при помощи 16 - 32 пар весел и имело длину 100 - 120 футов, ширину 15 - 20 футов, осадку около 3 - 4 футов. Имелись также две мачты с латинским парусным вооружением. Артиллерийское вооружение галер состояло из 2 - 20 мелких пушек, а иногда из 1 - 2 мортир. Экипаж вместе с гребцами (по 4 - 5 человек на весло) доходил до 250 человек.

ГАЛИОТ - небольшое полутора- или двухмачтовое судно для посыльной и транспортной службы в прибрежных водах. Использовался на северном побережье континента и появился под влиянием голландцев. Обычно было острокильным с открытым форштевнем и круглой кормой, часто имело шверты. Длина 40 - 60 футов, ширина 12 - 18 футов, осадка 5 - 7 футов.

ГУКОР - заимствованное из Голландии мореходное средних размеров транспортное судно, иногда имевшее для самообороны до 12 мелких

пушек. Отличались увеличенным бушпритом. Большие гукоры имели длину до 90 футов, ширину до 24 футов, осадку до 13 футов. Имели грузоподъемность 60 - 300 тонн.

ДУБЕЛЬ-ШЛЮПКА - первоначально это шлюпка большого размера, крупнее корабельного баркаса; позднее достигла значительного размера, получила палубу и имела одну мачту и до 20 пар весел. Вооружение доходило до 15 небольших орудий. Использовалась для действий у берегов, в шхерах и на реках.

КОНЧЕБАС - гребное одномачтовое судно турецкой конструкции, способное вместить до 80 человек и на месяц припасов для них.

ЛОЦ-ГАЛИОТ - небольшое судно, используемое для лоцманской службы и установки навигационных знаков.

ЛАСТОВЫЕ СУДА - грузовые, транспортные и вспомогательные суда (баржи, плашкоуты, киллекторы и пр.) парусного флота, приписанные к военным портам и обслуживавшие потребности флота во время стоянки в порту и нужды порта.

ПАКЕТБОТ - небольшое двухмачтовое судно для перевозки почты и посыльной службы; имело вооружение от 12 до 16 пушек мелкого и среднего калибра.

ПРАМ - плоскодонное парусное судно, вооруженное 18 - 38 орудиями крупного калибра, из которых часть мортиры. Применялось для действий против береговых укреплений на мелководье, у берегов, на реках.

ФЛЕЙТ - двух- или трехмачтовое транспортное судно для перевозки в составе эскадры военных грузов. Имело вооружение 4 - 6 пушек.

ШМАК - грузовое судно, употреблявшееся как военный транспорт для перевозки грузов и пассажиров грузоподъемностью до 200 т.

ШНЯВА - легкий двух- или (реже) трехмачтовый военный корабль, родственник бригу, применявшийся для разведывательной и посыльной службы; вооружение - 12 - 18 орудий; длина 70 - 95 футов, ширина 18 - 25 футов, осадка до 10 футов. Благодаря увеличенному соотношению длины к ширине обладала высокой скоростью.

ШХЕРБОТ - небольшое парусно-гребное судно с одной мачтой и 6 - 8 парами весел, вооруженное 4 - 6 малокалиберными орудиями; употреблялся в шведском флоте.

ЭСПИНГ (АСПИНГ) - небольшой 10-пушечный корабль с экипажем в 20 человек.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Берх В.Н. Жизнеописания первых российских адмиралов. Ч. 1 - 2. СПб., 1831 - 1833.

Боевая летопись русского флота. М., 1948.

Веселаго Ф.Ф. Краткая история русского флота. М. - Л., 1939.

- Веселаго Ф.Ф. Список русских военных судов 1668 - 1860 гг. СПб., 1872.
- Манштейн Кристоф. Записки о России. Ростов-на-Дону, 1998.
- Материалы для истории русского флота. Ч. VIII - IX. СПб., 1880 - 1882.
- Материалы к истории военного искусства в России. Вып. 3. СПб., 1892.
- Соколов А. Морские походы против шведов 1742 и 1743 годов. - В: Записки Гидрографического департамента Морского Министерства. Ч. V. СПб., 1847.
- Некрасов Г.А. Роль России в европейской международной политике 1725 - 1739 гг. М., 1976.
- Отрывок из "Сокращенной истории шведских морских войн" К.А. Гилленграната. - В: Морской сборник. 1856, № 9.
- Общий морской список. Ч. 1 - 2. СПб., 1885.
- Чернышев А.А. Российский парусный флот. М., 1997.
- Шпилевской Н. Описание войны между Россией и Швециею в Финляндии. СПб., 1859.
- Anderson R.C. Naval wars in the Baltic during the sailing-ship epoch. L., 1969.
- Kosiarz E. Wojny na Bałtyku X - XIX w. Gdansk, 1978.
- Svenska flottans historia. Bd. 2. Malmö, 1943.

Вашему вниманию предлагается отрывок из книги "Очерки истории Балтийского флота в первую половину XVIII века", которую автор в настоящее время готовит к печати.

РУССКИЕ ШНЯВЫ НА БАЛТИКЕ В ГОДЫ СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ

На рубеже XVII-XVIII веков в ряде европейских стран получил распространение тип корабля, родственной бригу, - шнява. В классическом виде шнява представляла собой двухмачтовый корабль длиной около 22 - 28 м с относительно острыми обводами корпуса. Отличительным признаком шняв была дополнительная стеньга (трисель-мачта), установленная сразу за грот-мачтой между марсом последней и палубой. Там ставился косой парус - шнявсель. На открытой палубе военных шняв размещались 12 - 18 легких орудий (обычно 6- или 3-фунтовых). Обладавшие хорошими ходовыми качествами шнявы чаще всего использовались для дозорной, разведывательной и посыльной службы.

В русском флоте шнявы появились еще в "азовский период". Однако основное свое применение они нашли на Балтике. Здесь в годы Северной войны (1700 - 1721 годы) Россия построила 16 шняв. Большая часть из них была спущена на воду на Олонецкой верфи в 1704 (Мункер, Сант-Яким, Дегас, Копорье, Ямбург) и 1705 году (Лукс, Фалк, Снук, Феникс, Роза). Эти 10 шняв были 14-орудийными (число орудий со временем у них менялось) и имели размеры 22,0 x 5,6 x 2,5 м. В том же 1705 году в Селицком

Рядке были построены чуть меньшие *Адлер* и *Бевер*. Почти все эти шнявы, хоть и строились иноземными мастерами, оказались не слишком долговечными. Исключением стал лишь *Мункер*, построенный Петром и И. Немцовым. Остальные очень скоро потребовали серьезного ремонта как "весьма гнилые". Некоторые из них были попросту превращены в брандеры. После 1711 года все они, кроме *Мункера*, уже не значились в числе кораблей, выводимых в море.

"Штучно", но качественно строились более поздние шнявы. Построенная Петром и Ф. Склеяевым *Лизет* вызвала своими ходовыми качествами и изяществом самые одобрительные отзывы даже у иностранных специалистов. Неплохими оказались более крупные *Диана*, *Наталья* (по 28 м) и *Принцесса* (27 м).

Русские шнявы имели свои особенности постройки. Некоторые из них в качестве эксперимента получили три мачты; по крайней мере несколько шняв имели весла. Поэтому можно говорить о русских шнявах не столько как о кораблях строго определенного конструктивного типа, сколько, судя по выполняемым задачам, как о "малых фрегатах".

Начало активной службы шняв совпало с обороной острова Котлин от нападения шведской эскадры под командованием адмирала Анкерштерна. Когда 24 и 26 мая в Финском заливе были замечены 3 корабля противника, командовавший русским флотом адмирал Корнелий Крюйс стал регулярно отправлять шнявы и галеры "на брандвахт или заставу". Шнявы располагались за мелями и подводными камнями в надежде, что шведы при атаке "смогут ногу себе наколоть". Будучи в таком дозоре, на рассвете 4 июня шнявы *Сант-Яким* и *Дегас* (последней командовал сын адмирала Иоганн Крюйс) просигналили о приближении шведской эскадры, после чего отошли к основным русским силам. При обороне острова шнявы в бой хотя и не вступали, но стояли в полной готовности во второй линии за фрегатами. Одновременно с Анкерштерном из Выборга на Петербург должен был нанести удар корпус генерала Майделя. Крюйс отослал поэтому в Неву две шнявы с галерами. С этих кораблей был открыт огонь по шведским драгунам. Те отошли от реки, хотя эффект был скорее психологический - лишь "один шведский драгун из наших пушек убит". 10 июля 2 шнявы и 6 полугалер отогнали 2 шведских бота, замерявших глубины у Котлина. В этих операциях приняли участие *Мункер*, *Сант-Яким*, *Дегас* и *Ямбург*.

В 1706 - 1709 годах служба шняв внешне не была отмечена особо яркими событиями. Однако это не позволяет говорить о легкой жизни для команд этих кораблей: шнявы постоянно задействовались для дозорной и посыльной службы, проводя в море времени едва ли не больше, чем любые другие корабли. В эти годы проявилось несомненное пристрастие Петра Первого к данному типу кораблей. От командования ими он получал явное удовольствие. Особенно Петр любил "родной" *Мункер*. Царь обычно выбирал именно его для выхода в море, даже не раз нес на нем

лично брандвахту. "От сердца желаем, дабы и у вас таковож весело было, как здесь", - пишет он Александру Меншикову с Мункера. Временами Петр фактически принимал на себя функции командира отряда шняв.

Офицеры на шнявах были, надо думать, тоже не из худших. К примеру, 13 мая 1707 года Мункер рискнул в одиночку подойти к противнику "так близко, как борт видеть".

Чаще всего в эти годы русский флот действовал малыми силами, что отнюдь не снижало эффективности его операций. И здесь видную роль играли шнявы. Порой одного лишь их присутствия в дальнем дозоре было достаточно для того, чтобы заставить шведов, лишившихся элемента внезапности, уйти ни с чем. В ряде случаев шведы пытались нагнать шнявы и уничтожить, но ни одна из этих попыток не увенчалась успехом - шнявы с легкостью уходили от своих преследователей.

При необходимости шнявы действовали и единым соединением. Например, 16 августа 1708 года Крюйс выслал сразу 9 шняв "как возможно о неприятеле уведомиться". Выполняя задание, поручик Б.Шмит на *Фалке* смело сблизился с шведскими кораблями и подсчитал их точное число.

Продолжали применяться шнявы и на Неве. При подходе корпуса генерала Либекера, которому Карл XII поручил уничтожить Петербург, две шнявы были введены в Неву "для охранения от неприятеля против речки Охты близ Канец".

Несмотря на постоянное участие шняв в активных действиях, русский флот не имел потерь в них до мая 1709 года, когда шведы смогли захватить *Фалк*. Захватили не в бою. Адмирал Анкерштерн не по-джентльменски задержал шняву со всей командой, когда та была послана к нему Крюисом, чтобы передать письма от пленных шведов.

Звездным часом в истории русских шняв стала операция по взятию Выборга в 1710 году. Эта операция основывалась на взаимодействии флота и сухопутных сил. Русские войска начали осаду Выборга в марте. В апреле на соединение с ними Петр повел флот (250 кораблей и судов разных типов). Признав недостаточным обычное к тому времени деление флота на два отряда - корабельный (в котором из-за отсутствия еще у России на Балтике линейных кораблей были только фрегаты) и галерный, - царь выделил еще и особый отряд шняв. Этим отрядом адмирал Федор Апраксин "приказал" командовать "благородному г. арир-адмиралу и кавалеру Михайлову", то есть самому Петру. Судя по гравюре Пикарта, отряд шняв состоял из трех групп. В первой шнява *Роза* вела транспорты и брандеры; вторая состояла только из шняв - *Адлер*, *Дегас*, *Феникс*, *Лизет*, *Мункер*, *Сант-Яким*, *Копорье*(?); в третью вошли одни брандеры. Петр поднял свой флаг на *Лизет*.

Развертывание морских сил началось 25 апреля сразу после вскрытия льда на Неве. 29 апреля флот прибыл к Кроншлоту. Царь немедленно отправил *Дегас* и *Феникс* на разведку ледовой обстановки к Березовым островам. 30 апреля остальной флот вышел в море, где в 20 верстах и

встретил обе шнявы. С них сообщили, что "неприятеля не видали, а к Березовым островам за великим льдом пройти невозможно". Обеспокоенный задержкой, Петр на *Лизет* в сопровождении *Дегаса* и *Феникса* лично отправился выяснять обстановку. Убедившись, что прямой путь к Выборгу перекрыт льдом, царь решил повести флот вдоль южного берега Финского залива. Флот пришел к Красной Горке, откуда Петр на шнявах "с великой нуждою" добрался до урочища Курома в 6 милях за Березовыми островами. Вскоре туда пришли транспорты и галеры. Петр вернулся к Красной Горке, на день съездил в Петербург, а 6 мая повел оставшиеся корабли к северному берегу Финского залива. В этот же день у Березовых островов началась подвижка льдов, которые грозили раздавить галеры и транспорты.

Петр на трех шнявах предпринял попытку пробиться к дрейфующим во льдах судам, бывшим, по его словам, "в конечном отчаянии". Лишь при помощи фрегата *Думкрат* и бомбардирского галиота их удалось спасти почти без потерь.

7 мая к Березовым островам, где уже стояли транспортные суда, галеры и фрегаты Крюйса, прибыл и отряд шняв. 8 - 9 мая царь на *Мункере* повел к Выборгу транспорты с припасами для осадного корпуса. Армия была теперь обеспечена всем необходимым и прикрыта с моря, где оставались галеры даже после ухода основных сил. 17 мая царь с *Лизет* и *Мункером* вернулся в Петербург. 12 июня Выборг пал.

После спокойного для Балтийского флота 1711 года (Петр был занят злосчастным Прутским походом) в 1712 году шнявы вновь были привлечены для сопровождения судов с войсками и припасами в Финляндию, где шла подготовка к отвлекающей "диверсии". Петр на *Мункере* ходил в Выборг лично проверить, как готовится намеченная операция. Сопровождать суда с огромным количеством грузов он приказал шнявам и бригам не случайно - их малая осадка позволяла держаться ближе к берегу, не подвергая конвой лишнему риску.

С этого же времени *Мункер* и *Лизет* начали действовать совместно с линейным флотом (остальные шнявы уже пришли в негодность). Любопытно, что из всех кораблей только на них капитанами были назначены русские офицеры - Е.Скворцов и И.Синявин. В августе 1712 года Балтийский флот России пополнился шведским трофеем - 26-метровой шнявой *Крефт (Рак)* с 14 пушками и 11 фальконетами, которую после короткого, но ожесточенного боя захватили скампавеи шаутбенахта Боциса. На следующий год в строй вошли *Диана* и *Наталья*, а чуть позднее *Принцесса*.

В ходе подготовки к Гангутской операции в мае 1714 года *Диана* и *Наталья* были назначены в охранение кораблей. Петр поручил их капитанам (Риго и Трану соответственно) выйти в море и занять такую позицию, чтобы при обнаружении противника можно было подать основным силам заранее обусловленные сигналы выстрелами, флагами или парусами. Кроме того капитану Трану поручалось во взаимодействии с фрегатами ос-

матривать все приближающиеся к Кроншлоту суда. Риго в свою очередь получил задание отправиться в Кашпервик "для проведывания от поставленных караулов о неприятеле". В случае сражения линейных флотов *Диана*, *Наталья* и *Принцесса* должны были находиться рядом с тремя кораблями, вооруженными "зажигательными трубами", чтобы оказать помощь, если те загорятся сами. В июне все три эти шнявы стояли в Ревеле вместе со всем русским флотом. Когда в ночь с 17 на 18 июня Петр вывел флот в погоню за обнаруженными в море шестью кораблями адмирала Лиллье, то свой флаг он поднял на *Принцессе*. Разумеется, в погоне участвовали также *Наталья* и *Диана*.

19 июня *Диана* доставила к Лиллье поручика Мишукова с письмами. Мишукову удалось получить при этом ценные сведения о силах Ватранга, "кои у Ангута". В июле *Диану* придали отряду капитан-командора Сиверса, которому поручили "в шхерах вымерять глубину, не можно ль пройти к Ангуту". *Принцесса* при перемещениях царя включалась в число кораблей, выделенных ему "для комвою".

Одержанная 27 июля 1714 года победа у Гангута открыла новые возможности и для применения шняв. Теперь зоной их операций могла стать вся Балтика. Свою роль сыграл также размах действий шведских каперов, возросший к 1715 году. Принятый Карлом XII "Каперский устав" позволял захватывать все суда, ведущие торговлю с Россией. Захваты шведами английских и голландских кораблей привели к появлению на Балтике эскадр этих держав, союзу России и Англии, а также к резкой активизации крейсерских операций русского флота. Так, 9 апреля 1715 года из Ревеля для борьбы с шведскими каперами вышел отряд капитана Бредаля в составе 3 фрегатов и 1 шнявы. Подготовка операции держалась в такой строгой тайне, что даже был запрещен выезд из города. Зато и появление русских кораблей у берегов Курляндии стало полным сюрпризом для шведов. С 11 по 16 апреля отряд Бредаля уничтожил 1 и захватил 2 шведских капера. Оба приза были приведены в Петербург. Шведская эскадра в ответ пыталась ворваться в ревельский порт, но после трехчасовой артиллерийской дуэли была вынуждена отступить.

В июле - августе Бредаль с 4 фрегатами и 3 шнявами повторил крейсерство, но уже у берегов самой Швеции. На острове Готланд высаживался десант для захвата "языков".

В 1716 году самым заметным событием стало объединение в Копенгагене русского, голландского, английского и шведского флотов для высадки мощного десанта в Швецию. Располагая огромными силами, Петр не забыл и о скромных шнявах, приказав Сиверсу включить в свой отряд *Наталью* и *Диану*. Корабли Сиверса вышли из Ревеля 30 июня и 19 июля прибыли в Копенгаген. Помимо двух названных шняв Сиверс привел и *Лизет*, которая в мае совместно с *Принцессой* сопровождала суда с амуницией из Динамюнде к Пиллау. Оттуда шнявы пошли к Данцигу и Ростоку. Из этого крейсерства *Лизет* вернулась, как сказано, к Сиверсу, а *Принцесса*, оче-

видно, пошла прямо в Копенгаген, куда и прибыла раньше других шняв.

С десантом у союзников не ладилось. Время шло, и Петр с досадой отмечал: "Болтаемся туне". Терпения сидеть на месте у него не хватало, и 22 июля на *Принцессе* в сопровождении еще двух кораблей царь отправился на рекогносцировку к шведскому берегу. Ему удалось установить, что шведы укрепили все доступные для высадки места. На третий день Петр вернулся в датскую столицу.

13 августа одна из шняв была отправлена в Росток, чтобы привести оттуда транспортные суда к Копенгагену.

В конце августа Петр снова выходил в море к шведским берегам. В одну из таких разведок дело дошло до серьезной перестрелки. Как отмечается в "Походном журнале" Петра, *Принцесса*, на которой находился царь, "была ранена" выстрелом со шведской батареи.

Высадка в Швецию так и не состоялась. Флот вернулся в Россию. В отношении шняв же у Петра были особые планы. Капитан-поручику Муханову с *Дианой*, *Натальей* и *Лизет* приказывалось идти в Росток, чтобы оттуда проводить крейсерские операции. Поочередно выходя в море, шнявы должны были провести в Росток все зиму. Для *Лизет* это задание оказалось последним. 20 октября сильный ветер заставил шняву стать на якорь. Ветер постепенно перерос в шторм, и якорный канат не выдержал. Муханов пытался перейти в более безопасное место, "однако ж великим штормом бросило шняву на подводные камни, где глубины было 8 ф., и на тех камнях разбило". Люди все спаслись, с корабля удалось снять позднее пушки и такелаж. Поднимать же шняву было бы слишком дорого, да и рифы вокруг создавали бы большую опасность для судов, занятых подъемом.

Капитан Бредаль на *Принцессе* получил специальное задание. Ему поручалось идти в Северное море и, курсируя на оживленных торговых путях между Данией и Голландией, шведские суда "искать, брать или руиновать". Однако конец 1716 года был явно несчастлив для русских шняв. 23 ноября *Принцесса* попала в шторм. Несколько дней шла борьба со стихией. За борт выкинули пушки. Шнява получила серьезные повреждения корпуса, рангоута и руля, что сделало ее почти неуправляемой. С трудом подойдя к острову Рема, *Принцесса* стала "между пещаными банками на якорь". Оставшуюся шлюпку послали за помощью. Прибыли три судна и лоцманы, которые повели тонущий корабль к берегу, чтобы посадить там на песок. Однако вода прибывала слишком быстро, и шнява затонула, окончательно разбившись о твердый грунт. Успели спасти людей и некоторые вещи.

Людей Бредалья доставили в Копенгаген, откуда их забрала *Диана*, приведшая в Данию 2 галиота с частями для галер. В январе 1717 года она вернулась в Росток, где ее капитан Гарбоу добился разрешения перевести на свой корабль часть людей с погибших шняв.

Проводив из Любека до острова Эзель торговые суда, оставшиеся шнявы вернулись наконец-то к родным берегам. 29 мая у Ревеля показа-

лась *Наталья*, приведшая 5 судов с садовыми деревьями. Днем позже *Диана* пришла к Динамюнде.

В августе 1717 года сократившееся число шняв пополнилось за счет очередного трофея. Отряд капитана Фангофта в составе 2 кораблей и пинка захватил близ Аландских островов шняву, которая "послана была от Стокгольма к Готланду для проведывания о нашем флоте". Называлась она *Поллукс* и несла 14 3-фунтовых пушек и 11 2-фунтовых "басов".

В октябре *Диану* штормом загнало в финские шхеры и основательно потрепало. К этому времени шнява была уже настолько изношена, что произведенный за взятие *Поллукса* в капитан-командоры Фангофт пришел к заключению, что "оной шняве на море идти невозможно". Такой вывод не помешал адмиралу Ф.Апраксину весной 1718 года включить "оную шняву" в крейсерский отряд того же Фангофта. Из крейсерства *Диана* должна была сразу идти в Данциг к капитану Францу Вильбоа. Туда же направлялся фрегат *С.Яков* (12 орудий, 24 м).

Положение в Данциге беспокоило Петра уже давно. Через этот город Швеция могла получать столь нужное ей зерно. Местные жители постоянно нарушали запрет на выгодную для них торговлю со шведами. Для контроля за ними Петр прислал сюда энергичного Вильбоа с гукором *Ласорсер*. Однако в море хозяйничали шведы, а в городе назревал заговор с целью захватить гукор и передать его шведам. Хотя Вильбоа добился разрешения стать под защиту крепостных орудий, положение его было опасным. Именно поэтому Апраксину и пришлось послать ему на подмогу *Диану* и *Якова*, а затем распорядиться о присылке *Натальи* с двумя трофейными каперами. С этими силами Вильбоа должен был "крейсовать подле зюднового вала прусского и курляндского и все неприятельские суда... брать". Об этом гласила инструкция.

Диана и *С.Яков* прибыли раньше инструкции. Вильбоа с удивлением писал Петру, что не знает, что с ними делать. Это не помешало ему принять все меры безопасности и попытаться ввести корабли в реку, куда шведы бы зайти не смогли. Получив наконец инструкцию, Вильбоа принял 3 июня официально командование над прибывшими кораблями и 8 июня вывел свой отряд в море, направляясь в Либаву. Оттуда ему поручалось привести два трофейных галиота. Уже на следующий день у *Якова* открылась сильная течь. Несмотря на это Вильбоа пустился в погоню за замеченными подозрительными "купцами". Сначала был взят голландский шмак с грузом овса для шведов, а в течение следующих двух дней - еще 5 судов с таким же грузом (одному из них в тумане удалось уйти, увезя с собой двух русских матросов). В этом походе у *Дианы* тоже открылась течь, поэтому Вильбоа перешел с фрегата на гукор и отпустил *Якова* и шняву в Ревель, куда они и прибыли соответственно 15 и 16 июня. Сам же Вильбоа пошел за галиотами в Либаву, но те оказались без экипажей и даже оснастки, 25 июня Вильбоа прибыл с 5 призами в Ревель. Пребывание там он использовал для ремонта своего гукора, который пришлось даже дважды валить.

Сгнившую в носовой части *Диану* восстанавливать смысла не было. Больше ее не использовали.

26 августа в Ревель прибыли *Наталья* (поручик Лопухин) и трофейная шнява *Крюйс* (поручик Антуфьев), которые привели из Либавы занесенный туда в прошлом году штормом шведский галиот. Задержка с появлением *Натальи* и *Крюйса* объясняется тем, что и они сами были в июне повреждены в шторм, после чего чинились в Риге.

Апраксин приказал решившему немного отдохнуть Вильбоа срочно вернуться в Ревель. Сформировав отряд из *Натальи*, *Ласорсера*, *Крюйса*, бригантины и ожидавшего в Риге трофейного капера, он вновь должен был идти к Данцигу для пресечения зерновых поставок в Швецию.

Наскоро подремонтировав корабли, с "боем" выбив припасы, Вильбоа вывел свою маленькую флотилию на рейд, где 2 недели ждал подходящего ветра. Выйдя в море, его отряд дважды попадал в шторм. Потерявшие друг друга корабли по одному вернулись в Ревель. Снова выйдя 17 октября в море, они через неделю уже без происшествий прибыли в Данциг. Капер из Риги так почему-то и не появился.

В Данциге Вильбоа прилагал все усилия для пресечения торговли со шведами. Однако из-за плачевного состояния его наиболее сильных кораблей сделать это было крайне сложно. Вильбоа постоянно просил денег на ремонт, но только в январе 1719 года Петр приказал выделить нужные средства. Возникла еще одна проблема: местные мастера не хотели чинить шняву "для того, что она зело остра... и опасны, чтоб не переломить", вытаскивая на берег.

Все же к концу марта деятельный капитан подготовил свои корабли к активным действиям. *Крюйс* и бригантина *Курьер* вышли в море на патрулирование; *Наталья* и гукор задержались в Висле из-за низкого уровня воды, мешавшего пройти им мели. На рейд их удалось вывести лишь 16 апреля, после чего Вильбоа повел свой отряд назад к Ревелю. И вовремя - спустя пару недель сюда подошли два сильных шведских корабля специально для уничтожения его русского отряда.

По возвращении для *Натальи* сразу нашлось дело. Ею решили заменить в отряде Н.Синявина корабль *Селафаил*, назначенный на килевание. Синявину поручалось перехватить три шведских корабля, замеченных у Пиллау. В итоге *Наталья* стала участницей знаменитого боя у о. Эзель. Из письма Синявина царю видно, что *Наталья* действовала в этом сражении вместе с его флагманским кораблем.

В конце августа Вильбоа снова вернулся в Данциг. С ним теперь были пинк *Принц Александр*, *Наталья* и трофейная шнява *Эва-Элеонора*. В пути во время шторма они получили повреждения рангоута и такелажа, а также потеряли шлюпки, что не помешало захватить финскую шкуту с грузом извести.

У Данцига стояло около сотни торговых судов. Поставив на рейде шняву и пинк, Вильбоа разрешил выход в море только тем капитанам, которые имели

сертификат на груз или приносили присягу, что товар не попадет к шведам. В сентябре у Данцига появились шведские корабли, шлюпки которых замеряли глубины в гавани. Шведы имели сторонников среди бюргеров города, "где торг вольный был". Городской магистрат вместо помощи убеждал Вильбоа уйти. Тот в ответ заявил, что при необходимости примет бой или нагрузит свои корабли камнями и затопит их на фарватере реки.

Шведы периодически удалялись от города, но блокировали подступы к нему с моря. 4 октября на пинке был пойман шведский лазутчик.

Петр внимательно следил за развитием событий в Данциге. Признавая опасность ситуации и оставляя за Вильбоа окончательное решение, царь все же просил его по возможности зазимовать там, "так как одно шведам пропитание осталось от Гданска, и ежели сие удержим, то в Швеции весьма голод будет". Вильбоа остался, хотя городские власти чинили ему препоны на каждом шагу. 12 января Вильбоа осмотрел пришедшие из Стокгольма голландские гукор и галиот. На них он обнаружил 40 орудий, в том числе 9 с русским гербом. Очевидно, это были орудия из числа потерянных под Нарвой. Оба судна Вильбоа, несмотря на крайнюю нехватку у него людей, взял под караул.

7 марта Ф. Апраксин приказал отряду Вильбоа возвращаться, отпустив задержанные корабли и забрав лишь русские пушки. 4 апреля, когда уже готовились уходить, у Данцига показались 12 шведских кораблей. Поляки не позволили русским снова войти в реку, и Вильбоа стал готовиться к бою. Шведы атаковать однако не стали, а через местного посредника сообщили, что их шаутбенахт имеет разрешение королевы выпустить русских. Действительно, русские корабли были пропущены без помех и 19 апреля прибыли в Ригу.

В Риге при ремонте *Натальи* стало ясно, что она "во многих местах явилась гнила". Тем не менее она продолжила службу как вспомогательное судно. Сведения о ее деятельности в конце Северной войны отрывочны. Так, *Наталья* с *Поллуксом* в октябре 1720 года занималась доставкой канатов и мелких гребных судов из Ревеля к Риге. В мае 1721 года по личному распоряжению Петра она под командованием поручика Фордеина вместе с еще двумя судами обеспечивала почтовую связь между Рогервиком и Гангутом.

Не всегда заметную, но нелегкую службу шняв в годы Северной войны Петр Великий оценил по достоинству, распорядившись сохранить некоторые из них для потомства. В 1724 году он приказал починить и беречь *Мункер*, *Наталью* и шведские трофеи (в том числе шнявы *Астрильд*, *Крефт*, *Поллукс* и *Эва-Элеонора*). Позднее для них были сделаны элинг и фундаменты. В 1732 году среди сохраняемых у Кронверка кораблей *Наталья* уже не называлась. *Мункер* пытались сохранить еще 10 лет, пока он в 1743 году "от великой гнилости" не развалился настолько, что даже не удалось измерить его корпус.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Начало войны. Кампания 1741 года	4
Кампания 1742 года	10
1743 год. Действия корабельного флота	19
1743 год. Действия галерного флота	26
Флот в первые послевоенные месяцы	35
Приложение 1. Русские линейные корабли и фрегаты периода войны 1741 - 1743 годов	39
Приложение 2. Некоторые типы кораблей и судов, применявшихся на Балтике в первой половине XVIII века	41
Краткая библиография	42
Наш анонс: Русские шнявы на Балтике в годы Северной войны	43

**ВНИМАНИЮ
ВОЕННО-МОРСКИХ ИСТОРИКОВ,
ЛЮБИТЕЛЕЙ ИСТОРИИ ФЛОТА
И КНИГОТОРГОВЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ!**

В 1993 - 2000 годах Московским Клубом истории флота (МКИФ) совместно с Международным Центром историй флота выпущен в свет ряд оригинальных изданий на военно-морскую тематику, в том числе:

С.В.Богатырёв, К.Б.Стрельбицкий "Потери флотов противника на морских ТВД Великой Отечественной войны 1941 - 1945"

П.В.Боженко "Индо-пакистанский конфликт 1971 г. Действия на море"

С.В.Богатырёв, К.Б.Стрельбицкий "Потери противника на восточно-европейских морских и озёрно-речных ТВД в 1941 - 1945 гг. и на Дальнем Востоке в августе 1945 г." (выпуски 1 - 3)

К.Б.Стрельбицкий "Потери Российского Флота в период Первой Мировой войны на море 1914 - 1918"

Серия сборников статей "Тайны подводной войны. Малоизвестные страницы Второй Мировой войны на море 1939 - 1945" (выпуски 1 - 6)

К.Б.Стрельбицкий "Потери противников Советского Военно-Морского Флота 1918 - 1940"

Серия книг П.В.Боженко "Подводный сборник" - "Субмарины на войне. Эпизоды боевой деятельности подводных лодок в войнах текущего столетия" (выпуски 1 - 7)

К.Б.Стрельбицкий "Август 1945. Советско-японская война на море - Цена Победы"

Сборник материалов публичных чтений "Российский Флот - Честь и Слава Отечества!"

"Военно-морской справочник" Д.Г.Малькова (выпуски 1 - 5, приложения 1-3)

М.А.Муравьёв "Русский флот в войне со Швецией 1741 - 1743 годов".

Обратившись в МКИФ, Вы сможете получить информацию как об этих книгах, так и о находящихся в печати или готовящихся к изданию, а также о том, как быстро и по самой низкой цене - без посредников - приобрести их. К своему письму не забудьте приложить конверт с точным указанием Вашего почтового адреса и с надпечатанной маркой "А".

Наш почтовый адрес: Россия, 125212, Москва А-212, улица Адмирала Макарова, дом 4, Московский Клуб истории флота (МКИФ).

Наш контактный телефон в Москве: (+095) 165 - 90 - 88.

С уважением к нашим читателям -
МОСКОВСКИЙ КЛУБ ИСТОРИИ ФЛОТА и
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЦЕНТР ИСТОРИИ ФЛОТА